

Дмитрий ЛАГУТИН

ОБРУЧ МЕДНЫЙ

Повесть

Дитя, беги, не сетуй
Над Эвридикой бедной.
И палочкой по свету
Гони свой обруч медный.
Пока хоть в четверть слуха
В ответ на каждый шаг
И весело, и сухо
Земля шумит в ушах.

А. А. Тарковский

Трава блестела от росы.

Мы с Олежкой сидели на корточках посреди тротуара и мастерили змея. Вокруг нас были рассыпаны мелкие тонкие гвоздики, лежали одна на другой фанерки.

— Я даже пробовать не буду, — говорил Олежка. — Не мое — и все тут. Зато я на пианино умею играть — и фокусы показывать. Мне эти змеи — век бы их не видел.

Я молчал и примерял фанерки к каркасу.

— Велика важность, — продолжал Олежка. — Плевать я хотел на их змеев. Важничают так, будто на Марс полетели, а не какую-то штуку протащили над головой.

За нашими спинами раздались шаги.

— Вы чего тут расселись?

По тротуару ковылял Терминатор — столетний хромым дед с тростью, которого Терминатором стали звать с подачи кого-то из старших, насмехаясь.

Терминатор плюнул себе под ноги и ткнул меня тростью в спину.

— Чего расселись, говорю?

Голос у него был — ужас; гвоздем по стеклу.

Мы расступились.

Терминатор прошагал между нами, мелко стуча тростью, протащился метров с десять, но, не добравшись до перекрестка, остановился, развернулся, оперся на трость и уставился на нас.

— Я вас знаю. Замышляете.

— Замышляем-замышляем.

Дмитрий Александрович Лагутин родился в 1990 году в Брянске. Окончил юридический факультет Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского. Тексты опубликованы в изданиях «Новый берег», «Нижний Новгород», «Волга», «Нева», «Истоки», «Дальний Восток», «Иван-да-Марья», «День литературы», «Брянская учительская газета», «Литературная Россия», сетевых изданиях «ЛиТERRАтура», «Южный остров», «Камертон», «Парус», «День литературы», Nohlev.ru, приложениях к журналу «Москва».

— Чего?

— Ничего.

Мы развернулись к Терминатору спиной и продолжили свое занятие. Теперь солнце светило нам в лица, выглядывая из-за изгиба улицы, — казалось, что оно сидит на краю дальнего забора.

Было прохладно. Волнами набегал и отбегал прозрачный утренний ветерок.

— Но мы договорились, да? — спросил Олежка. — Мы с тобой возимся сейчас — и я тебе больше не должен?

— Договорились, — сказал я и ударил себе молотком по указательному пальцу.

Я взвыл и, отбросив молоток, прижал руку к губам.

— Что там? Что там? — засуетился Олежка. — Дай посмотреть.

Я показал палец.

— Ноготь слезет, — сказал Олежка весомо. — Точно слезет.

И прибавил:

— Круто.

Я закусил губу и молчал.

Терминатор, стоя на прежнем месте, закурил — и к нам потянул свои щупальца вонючий сизый дым.

Я, оттопырив палец и морщась, снова принялся за змея. Фанерки держали растянутым газетный разворот, с которого улыбалась какая-то тетка в беретке.

— Я вообще не понимаю, как они могут летать, — сказал задумчиво Олежка. — Тяжелая же штука.

— Он на воздушный поток ложится, — ответил я. — И поток его как будто несет.

— Сомнительно.

Я забил последний гвоздик — тюкая еле-еле, боясь за пальцы — и стал привязывать к змею леску.

Готово.

Сизый дым гладил нас своими щупальцами. Я обернулся и с ненавистью посмотрел на Терминатора, который стоял, согнувшись, мял губами сигарету и не сводил с нас глаз.

Глаза у него были круглые и мутные.

— Здесь не запустим.

— Да ладно тебе, — возмутился Олежка. — что он нам?

И он покосился на Терминатора.

— Так, — процедил я, — мы договаривались?

Олежка вздохнул.

— Договаривались.

— Ну вот и все. Пошли.

Я взял змея, Олежка сгреб в охапку оставшиеся фанерки и молоток. Ссыпал в карман гвоздики. И мы пошли по тротуару, оставив Терминатора дымить в одиночестве. Свернули на Ново-Советскую — двинулись вдоль проезжей части. Мимо лениво проползли одна-две машины.

— Новость слышал? — спросил Олежка, пиная перед собой камень.

— Какую?

— Катькин брат с мотоцикла свалился. Руку сломал.

— Слышал.

Солнце теперь покачивалось на гребне одной из крыш. У тротуара с нашей стороны толпились кусты сирени. Олежка сорвал широкий темный лист, положил его на кулак и хлопнул по нему ладонью.

— Эх, — вздохнул он, — и это не получается. Не руки, а грабли.

— А вот это я умею, — сказал я.

Я положил змея, дернул ветку — она при этом потянулась за рукой и просыпала на тротуар росу — и прижал лист к кулаку. Потом размахнулся и шлепнул сверху. Раздался сухой жалкий шелчок — не получилось.

Олежка прыснул, я замахнулся на него змеем. Он отскочил.

— Сказал, умею! — гаркнул я.

Олежка скривился.

По дороге, прямо по проезжей части, семенила местная дворняга — рыжая и облезлая. Заметив нас, она замерла, подумала и двинулась в нашу сторону.

— Не шевелись, — сказал я Олежке.

— Она меня на прошлой неделе чуть не ухватила, — прошептал Олежка и прижался спиной к забору.

Дворняга просеменила к нам, обнюхала мои ботинки, покосилась недоуменно на змея. Потом посмотрела на Олежку и тихо зарычала.

— В глаза смотри, — прошипел я.

— Смотрю, — выдохнул бледный как мел Олежка.

Дворняга зарычала громче и оскалилась.

— У тебя молоток, — напомнил я.

— Я знаю, — пролепетал Олежка.

Олежку надо было спасать.

— Фьють, — позвал я. — Бобик.

Дворняга обернулась.

— Лезь через забор, — прошипел я. — Фьють, фьють.

Олежка стоял не шевелясь, дворняга смотрела на меня.

— Лезь, говорю тебе.

Олежка, не отлипая от забора, сделал шаг в сторону. Потом еще один.

— Бобик, Бобик. Злобный облезлый Бобик.

Дворняга будто поняла меня — и внутри у нее глухо заурчало.

— Хороший Бобик, хороший, добрый и красивый, — затараторил я.

Дворняга продолжала урчать. У нее шерсть торчала во все стороны пучками, и зубы у нее были желтые и кривые.

Олежка стал поднимать правую ногу — с тем, чтобы упереть ее в перемычку забора. В этот момент утреннюю улицу огласил жуткий вопль.

— А ну пшла вон, сволочь!

Я онемел от ужаса и краем глаза увидел, как из-за угла показывается сутулая фигура Терминатора. Терминатор замахнулся своей палкой и снова проскрежетал:

— Пшшла вон!

Дворняга с недоумением посмотрела на Терминатора, догадалась, что обращаются к ней, и рванула прочь, раскидывая в стороны задние лапы.

Олежка медленно опустил ногу.

Терминатор сделал два шага и вдруг снова заорал — теперь на нас:

— А вы что, щенки? Что вы тут шастаете все утро?

Я от такого просто дар речи потерял.

— Совсем с катушек слетел, — тихо сказал Олежка.

Терминатор испокон веков слыл вредным, противным стариком — но не до такой же степени.

— Пойдем, — потянул меня за рукав Олежка. — Еще кинется.

Я стоял как вкопанный и сжимал в руках змея. Ныл палец.

— Пойдем, — повторил Олежка. — На него даже смотреть жутко.

Терминатор стоял, выпучив глаза, и трясся. Он почти всегда трясся — от старости. На его щеки и лоб ложились утренние лучи — но ложились как-то косо, спотыкаясь.

Вдруг он сделал страшное лицо, вскинул руку и замахнулся на нас своей палкой.

Я услышал, как застучали за моей спиной, удаляясь, Олежкины шаги; развернулся — и понесся следом.

* * *

Остановились мы, пролетев несколько переулков, у колонки. Колонка стояла на асфальтовом бугре — напротив цыганского барака. На бугор со всех сторон напознала упрямая трава — и даже протискивалась в трещины. Некогда голубая колонка теперь стояла вся облезлая, обколупанная и выглядела очень старой. Мы сгрудили поклажу на траву и по очереди подставили рты под ледяной поток. Олежка поперхнулся и принялся надрывно кашлять.

— Сколько ему все-таки лет? — спросил я.

Олежка выпрямился, отдышался и вытер мокрое лицо рукавом.

— Без понятия. Не меньше ста.

Он присел на корточки и стал перевязывать шнуры — потуже. Он постоянно так делал, дикая привычка. Развяжет, распластает их на обе стороны, потом вцепится, натянет, как вожжи, и давай завязывать.

Я снова пустил воду и сунул в струю ноющий палец, его заломило от холода.

Закончив свой ритуал, Олежка подошел ко мне вплотную.

— А ты не слышал, что ли, что о нем Дим-Димыч говорил?

— Нет.

— Он сказал как-то... слушай, ну ты же был тогда.

— Не помню.

— Он сказал, что, дескать, у Терминатора детства не было. Потому он нас и ненавидит.

Я усмехнулся.

— Не веришь? Так и сказал: никогда ваш Терминатор ребенком не был.

— Балда, — я пальцем постучал Олежке по лбу, — это оборот речи. Красное словцо.

Олежка взъерошил волосы.

— Красное не красное, а только... Ты вот можешь Терминатора представить... таким, как мы?

Я фыркнул.

— Это не аргумент. Так с любимым стариком дело обстоит.

— Не скажи, — протянул Олежка. — Вот деда моего — могу представить. Бабушку могу. Дим-Димыча. А этот...

— Дим-Димыч не старик еще.

— Ну, почти старик.

— Да какое там... — я начинал раздражаться. — Ты вот любишь нести околесицу.

Солнце оторвалось от крыш и зависло над ними, как будто не знало, что делать дальше. Начинало припекать, роса исчезла — и ветерок притих.

Из барака вышла, подперев бока руками, толстая цыганка. Она проплыла через двор к турнику, на котором сушились какие-то тряпки, и принялась снимать их, набрасывая по одной на плечо.

Мы сунули руки в карманы и замолчали — прятали ногти и зубы.

Вслед за цыганкой из барака выскочил цыганенок в пестрой рубаше до колен. Он подбежал к цыганке, сдернул с ее плеча одну из тряпок, завернулся в нее с головой и принялся нарезать круги по двору.

Мы стояли молча. Цыганка закончила снимать белье, вразвалку дошла до барака и скрылась в черном проеме. Цыганенок еще побегал, раскидывая тощие ручки на манер крыльев, потом заметил нас, остановился и стал на нас смотреть.

Олежка медленно достал руку из кармана и показал цыганенку кулак.

Цыганенок как будто не понял и продолжал стоять до тех пор, пока из барака не послышался визгливый женский голос. Тогда он встрепенулся и, в три прыжка добравшись до перекошенного крыльца, юркнул внутрь.

Мы выдохнули.

Олежка произнес задумчиво:

— А у меня книжка есть — «Цыгане». Пушкина. Картинки — закачаешься.

Я не ответил.

— Только там какие-то другие цыгане, не такие, как эти.

Я наклонился за змеем.

— Мы с тобой до вечера проболтаемся без толку, — сказал я. — Давай уже пробовать.

— Прямо здесь?

— Нет, здесь нельзя, — я почесал затылок. — Чего доброго, заметят; смеху не оберешься.

— А где?

Я повертел змея в руках.

— Давай на школе.

Олежка поднял молоток, фанерки — и мы двинулись в сторону школы.

* * *

Школьный двор прятался от мира за высоким бетонным забором. Чтобы попасть внутрь через парадные ворота — задние летом держали закрытыми, — нужно было вертануть здоровенный крюк по району.

Разумеется, это было бы великой глупостью с нашей стороны. Мы полезли по дрожащим и взвизгивающим воротам, которые, казалось, пришли в ужас от того, что по ним кто-то лезет.

Двор был пуст, большая его часть пряталась в тени школы. Граница света и тени проходила через футбольную площадку, рассекая ее надвое по диагонали. Школа — огромная бело-зеленая коробка — казалась спящей. Солнце нехотя выглядывало из-за нее. Налево тянулся довольно-таки приличный газон, а в его центре стоял несуразный бордовый гараж, предназначенный для того, чтобы забраться ему на спину и наблюдать за жителями частных домов по ту сторону забора.

По двору гулял ветер. Дергал за косы старую березу, волочил по газону бумажки.

В углу площадки, у ворот, лежал забытый кем-то футбольный мяч. Олежка разбежался и ударил.

Мяч улетел за забор, Олежка сделал виноватое лицо.

За забором был чей-то огород.

— Пеле, — сказал я.

Я положил змея на асфальт и принялся разматывать леску. Леска была тоненькая, совсем прозрачная. Размотав, я обернулся и увидел, что Олежка подбежал к забору, влез на кучу песка, наваленную тут же, и теперь вертит головой — ищет мяч.

— Пеле! — крикнул я.

Олежка еще повертелся, потом спрыгнул и побежал ко мне.

— Не видать, — сказал он.

— Все. Нет мяча.

— Да уж.

Я вручил Олежке змея и, взявшись за моток, отошел.

— По команде! — крикнул я. — Ты старайся, чтобы леска была натянута! Не торопись!

Снова заныл успокоившийся было от воды палец.

Олежка кивнул. Он поднял змея над головой и приготовился.

— На счет три! — крикнул я. — Раз! Два! Три!
Я рванул с места — и выдернул змея из Олежкиных рук.
Змей со стуком упал на асфальт.

— Ты чего? — заорал я.
Олежка сконфузился и поднял змея.

— Сломал?
— Вроде нет.
— Я тебе дам «вроде»! Соберись!

Я отвернулся.
— Раз! Два! — я посмотрел на Олежку через плечо. — Три!

На этот раз побежали вместе. Я почувствовал, как леска в руке натянулась, ее повело.
— Пошел! — закричал радостно Олежка. — Есть!

Его голос удалялся.

Я бежал через школьный двор и не верил своему счастью. Леска пошла вверх, почти вертикально. Я обернулся, задрал голову и увидел, как мой неуклюжий, несуразный змей ползет по воздуху. Бумага просвечивала на солнце — и казалось, что змей сияет сам по себе.

Рванул как нельзя кстати ветер, лес у забора затанцевал.

Я остановился — змей дернулся, но продолжил парить. Я медленно распустил моток — и он поднялся выше. Теперь он казался очень красивым — такой ровненький, аккуратный.

Подошел Олежка.
— Здорово, — вздохнул он.
— Ага.

Мы стояли в тени школы, а змей купался в солнечном свете. Леска тянулась от него белая, сияющая, но в какой-то момент вдруг темнела и падала нам в руки.

Ветер поднажал — и змей потянулся еще выше.
— Вот это да... — протянул Олежка.

Я скинул с мотка еще лески, змей уменьшился.
— Эй, щеглы, — окликнул нас кто-то.

В нескольких метрах стояли длинные нескладные старшеклассники. Они обращались к нам с Олежкой, но смотрели вверх, на змея.

— Сейчас в космос улетит, — сказал один.
— Мяч тут видели? — спросил второй.
— Нет, — соврал я и стал медленно сматывать леску.
— Дай погонять, — крикнул третий.

Я промолчал.
— Погонять дай, — просипел четвертый.

Змей продолжал беззаботно качаться, точно не замечал того, что происходило внизу.
— Не могу, — сказал я, чувствуя, как потеют ладони.

— Это почему?
Олежка посмотрел с отчаянием.
— У меня лишай, — ляпнул я первое, что пришло на ум. — Заразный.

Старшеклассники замялись.
— И у меня, — пискнул Олежка.

И прибавил:
— Я от него заразился.

Я кивнул.

Старшеклассники покачали головами — недоверчиво. Я оттопырил палец со стремительно темнеющим ногтем — так, чтобы его было видно.

На площадку со стуком вылетел футбольный мяч. Он пропрыгал до ворот, ткнулся в штангу и откатился от нее обиженно. Из-за забора показалась косматая голова. Голова окинула взглядом двор.

— Бойцы! Мне ваш снаряд лук помял!

Мы промолчали.

— В следующий раз ножом проткну!

Никто не ответил. Мяч лежал у ворот и ждал, когда его спасут.

Голова посверлила нас взглядом, потом запрокинулась.

— Хорошо летит!

И исчезла.

Один из старшеклассников подбежал к мячу, схватил его. Я продолжил сматывать бечевку, змей возвращался нехотя, со скрипом — ветер звал его ввысь, тянул изо всех сил. Наконец змей нырнул в тень, смирился и обреченно упал мне в руки.

— Ладно, лишайные, — сказали старшеклассники. — Лечитесь.

И ушли.

* * *

Мы смотрели леску, обогнули школу и полезли на гараж.

Гараж был теплый, по нему ползала сгребаемая ветром труха — веточки, листья.

— Смотри, — сказал Олежка.

Он поднял зеленый стеклянный шарик и посмотрел сквозь него на солнце.

Я взял шарик из Олежиной руки. Он был красивый, переливающийся, в его глубине плыла дымка, а в ней застыли два перламутровых пузырька. С одной стороны по стеклу бежала тонкая извилистая трещина.

— Ничего.

И я отдал шарик Олежке. Мои мысли были заняты змеем — великолепным, ровненьким, изящным змеем. На таком самому впору летать. Я посмотрел на тетку в беретке и удивился — такой она была красавицей. Она улыбалась торжествующе. На беретке блестела брошка в форме буквы «А».

Заголовок гласил:

«Ай да мы!»

И ниже:

«Брянский скульптор взял золото в международном конкурсе».

А дальше — мелко — текст про какой-то конкурс имени А. К. Толстого.

— Олежка, — позвал я.

— Что?

— Ты Толстого читал?

— Читал.

— А что читал?

— Басни.

— И как?

— Ничего.

Олежка все смотрел на солнце, зажмурив один глаз и приставив к другому шарик.

— Смотри ослепнешь, — сказал я.

Он не отреагировал.

Я вздохнул и улегся на теплую спину гаража, положив змея на грудь. Ветер потянул его на себя, но я не отдал.

Солнце приближалось к зениту. По небу тянулась еле заметная прозрачная рябь. Олежка улегся рядом, выставил руки и продолжил разглядывать шарик. Шарик в лучах солнца прямо-таки огнем горел.

— У меня таких была целая коробка, — сказал я. — В сарае прятал. Однажды прихожу — нет нигде.

— Вот так.

— Вот так.

Сбоку зашумела листва — и ветер проплыл над нами прохладной простыней.

— У меня так конструктор пропал, — сказал Олежка. — Всегда стоял в шкафу, а тут вдруг раз — и нету. Весь дом перерыл — как в воду канул.

— Да дома — ладно. Дома найдется. А из сарая кто угодно мог утащить. Через забор перелез — вот и вся наука.

— Это да, — согласился Олежка.

Помолчали.

— Дай еще посмотреть, — попросил я.

Олежка протянул шарик.

Я взял его двумя пальцами и вытянул руку. Шарик сверкал, нутро пылало изумрудом.

— У моей бабушки, — сказал Олежка, — кольцо есть. Перстень. Так вот там такой камень, что если в него взглядеться, покажется, будто внутри огонек маленький. Искорка.

— Тут ничего такого нет, это свет преломляется.

— Нет, со светом — понятно. А то и в темной комнате... все равно видно.

— Значит, обман зрения.

— Ну, не знаю.

— Сказочник, а сказочник, — повернулся я к нему. — То у тебя старики стариками рождаются, то кольца светятся. Надо же и меру знать.

Олежка вздохнул и взял из моей руки шарик.

Высоко в небе, оставляя за собой две ровные белые линии, полз самолет. Мы смотрели, как он ползет, и молчали. Линии какое-то время держали форму, но потом принимались набухать, расплзаться — и через несколько минут казалось, что небо делит пополам размашистая борозда.

— Слушай, — заговорил наконец Олежка, — а может, и у меня получится?

— Что?

— Ну, змей.

Я пожал плечами.

— Слушай! — воскликнул Олежка. — Ну давай попробуем, а? Вдруг получится?

Я поднял змея и посмотрел сквозь него на солнце. Лицо брянского скульптора засияло.

— Давай. Только у меня больше бумаги нет.

Олежка сел.

— Бумага — это не проблема! Бумагу найти — раз плюнуть!

Он вскочил и даже ногой топнул — от чего по гаражу пробежала мелкая дрожь и труха заструилась в разные стороны — испуганная.

Олежка стоял надо мной и потрясал кулаками.

— Пошли искать, — беззаботно сказал я.

* * *

Змей остался на гараже.

Сразу полезли на забор — сверху виднее. Там, где к нему подступали деревья, или стена школы, или крыши чужих сараев, можно было идти выпрямившись, размахивая руками. Там, где опереться при случае было не на что, приходилось осторожничать и передвигаться сидя, протирая шорты о шершавый бетонный хребет.

Поползли от ворот — и направо.

— У этих цыган, — Олежа вдруг вспомнил про цыган, — из книжки, все время какое-то веселье. Скачут туда-сюда табором и песни поют. И так целыми днями.

Узкая Олежакина спина в красной футболке маячила перед моими глазами.

— Паук, — соврал я.

Олежа замер и потянул руку назад. Тут же отдернул.

— Убери! — воскликнул он.

Он до смерти боялся пауков.

Я помялся для виду.

— Ну убери!

— Да он огромный!

— Убери!

— Мне самому жутко!

— Ну убери!

Я подтянулся поближе и взмахнул рукой.

— Все.

Олежа недоверчиво обернулся, посмотрел на меня через плечо, потом попытался разглядеть спину.

— Точно?

— Точно.

Он выдохнул.

— Фух. Я пауков до смерти боюсь.

Я пожал плечами.

— А ты не боишься?

— Не особо.

— Но ты слизней боишься, я знаю.

Я закатил глаза.

— Не боюсь я слизней.

— Ага, — хмыкнул Олежа.

Я ткнул его ладонью в спину.

— Ползи давай.

И мы поползли дальше — мимо грядок и теплиц. За забором с этой стороны толпились частные дома. Солнце стояло в зените и пекло невыносимо, у меня голова просто горела. Ветер куда-то пропал.

И ныл палец. Я посмотрел на него — ноготь был багровый.

Когда проползали мимо яблони — она стояла у самого забора на одном из участков, — Олежа протянул руку и сорвал блестящее белое яблоко.

— Я сейчас кому-то руки оборву.

Из-за теплицы вынырнула косматая голова — та самая, что грозилась пропороть мяч.

Она вся блестела — по лбу и щекам катились крупные капли.

Олежа крикнул.

Я приготовился нырнуть вниз, на школьный двор, и стал крениться влево.

Голова посмотрела на нас сурово, а потом улыбнулась и подмигнула.

— Ладно, не трусь.

Олежа так и держал яблоко в вытянутой руке.

— Приятного аппетита.

И голова нырнула за теплицу.

— А мне можно? — позвал я негромко.

Голова снова вынырнула. Она прищурилась, посмотрела на меня, оглянулась на дом. Рядом возникла широкая — в земле — ладонь.

— Рви, чего уж.

Я подполз поближе, вытянулся, чуть не упал — пришлось ухватиться второй рукой за ветку — и сорвал ближайшее. Яблоня дернулась — и по земле застучало.

Голова покачалась раздосадованно и исчезла.

Я подышал на яблоко, потер его о футболку и укусил. Меня окутало душистое облаго. Яблоко было хрустящим и сочным, а вкус балансировал ровно посередине между кислым и сладким.

Олежка посмотрел на меня и тоже укусил.

Снова показалась из-за теплицы голова.

— Ну как?

Мы закивали благодарно.

— Хорошие яблоки, — подтвердила голова. — Сейчас еще чуток подспеют — и вообще будет загляденье. Приходите откусать.

Мы закивали.

Голова пропала, но почти сразу вернулась.

— Это же вы змея пускали?

— Мы.

Голова улыбнулась.

— Хороший змей. Хорошо летит. Сами делали?

— Сами.

Голова улыбнулась шире.

— Молодцы. Мы в детстве тоже мастерили, — голова призадумалась и сделала паузу. — Только мне вот они как-то не давались никогда. Даже расстраивался.

Мы развели руками, повисло молчание.

Налетел откуда-то ветер, закачал яблоню, взъерошил косматую шевелюру.

— Да, — выдохнула голова.

— Извините, — заговорил внезапно Олежка, — а у вас газетного листа не будет?

У головы брови взметнулись вверх.

— Газетного? Будет, отчего ж.

Голова выплыла из-за теплицы, превратилась в дядьку в майке и спортивных штанах и зашагала к дому.

Через минуту Олежка уже принимал пухлую газету из черных рук.

— Спасибо.

— Спасибо, — повторил за Олежкой я.

— Да было бы за что, мужички. Будьте здоровы!

Дядька шагнул к теплице, снова превратился в одну только голову, подмигнул нам и скрылся.

Мы догрызли яблоки, примерились и прыгнули на школьный двор.

* * *

У Олежки вместо рук и правда были грабли. Он даже гвоздь не мог нормально забить. Нервничал, наверное.

— Смотри, — говорил я, — вот это вот сюда. И прихватываешь.

Мы сидели в углу футбольной площадки, в тени березы; если только тень от березы можно назвать тенью — листва мелкая, полупрозрачная и постоянно колыхается, и получается не тень, а какая-то каша. Береза была высоченная, мощная — и почти на самом вершине на белом стволе темнел прямоугольник скворечника.

Олежка очень тщательно выбирал разворот для змея. Интервью с актером Сухо-руковым, смеющимся в объектив, ему по вкусу не пришлось. Репортаж о затопленных огородах тоже. Когда я уже начал психовать, он остановился на литературной страни-

це — печатали отрывок из какой-то повести про рыбаков, — но тут же продрал ее гвоздем. Тогда он выхватил наугад — анекдоты и письма читателей.

И вот эти письма читателей мы стали мучить почему зря. Олежка сопел, пыхтел и как будто боялся того, что делал.

— Слушай, — сказал я ему, — да тут не угадаешь на самом деле. Я всегда делал так, как сегодня. И ни разу не получалось. А вот вдруг получилось. Поэтому ты вообще не думай. Делай себе спокойно — а там как пойдет.

Олежка беспомощно развел руками.

— Тут ничего не напишешь, — сказал он. — Это потому что я без отца расту.

— С вами дед живет.

— Да он не в счет, он сам такой.

— Ну, тогда вообще не парься, дед-то у тебя — отличный.

— Так я же не он.

Я не нашел, что ответить. Я посмотрел на актера Сухорукова, потом на Олежку и сказал:

— Слушай, хватит уже. Делай, и все.

У Олежки лицо было как мозаика — по нему скользили лоскутами солнечные блики. У меня, наверное, было такое же. Я скосил глаза — и у актера Сухорукова.

— Мы подарили номер вашей газеты родственникам из Латвии. Они были в восторге, — прочитал Олежка.

— Какая прелесть.

И мы засмеялись.

Поднялся ветер, береза зашумела. Ветер рванул газету и поволок репортаж о затопленных огородах по площадке. За ним вслед бросился порванный отрывок из повести про рыбаков.

Я почувал неладное, обернулся и увидел, как с края гаража свешивается мой змей. Он качнулся, прося о помощи, ветер толкнул его — и змей брякнулся в траву, потянув за собой моток.

Я вскочил и помчался к гаражу. Змей был цел, но как же мне было его жаль! — и во взгляде брянского скульптора сквозь улыбку читалось разочарование — что ж ты, дескать, нас оставил?

А я ведь для того и оставил, чтобы не трепать лишний раз.

Я поднял змея и бережно сматал леску. Когда я обернулся, то увидел, что вокруг Олежки стоят уже знакомые старшеклассники — длинные и нескладные, — а Олежка все сидит на корточках над своими фанерками.

С одного края небо было затянуто облаками.

Я юркнул за гараж, подтянулся и закинул на него змея. Потом вышел и направился к Олежке.

Олежка вроде как даже пытался поддержать беседу, выдавливал из себя смешки, сидел, задрал голову, но все подгребал под себя свое рукоделие.

Я подошел и стал молча, не зная, что сказать. Старшеклассники посмотрели на меня равнодушно.

— Ты не так делаешь, — сказал один Олежке. — Вот это сюда надо.

Олежка как-то не к месту хихикнул и повозил фанерками по асфальту. Он иногда терялся, да, совсем выпадал из реальности.

— Говорю тебе, дурень, — продолжал советчик, — забивай. Только надо, чтоб стык чуть под углом был.

— Да у него руки кривые, — сказал другой.

И они загоготали.

— Тебе же помогают, дурень.

На Олежку было жалко смотреть. Он потянулся за молотком.

Я наклонился и выхватил молоток из его руки.

— Это мой молоток, — только и нашелся сказать я. — Батин.

Все уставились на меня.

— И что?

Я не ответил.

Олежка так и сидел на корточках. Из-под его локтя на происходящее смотрел актер Сухоруков. Теперь и старшеклассники были усыпаны прозрачными бликами, и казалось, что они пребывают в непрерывном движении, как будто все время дрожат.

— Нам, — пискнул Олежка, — идти пора.

И он заерзал над своими фанерками.

Старшеклассники скривились, один из них сплюнул себе под ноги и повернулся ко мне.

— Вы чего набрехали? Про лишай.

Я промолчал.

— Зажал змея, да?

Я молчал.

— И где он, твой змей?

Без ответа.

— Да он тоже пришибленный какой-то, — сказал другой.

Снова налетел ветер, береза загудела. Я молился, чтобы змей удержался на гараже.

— Ну, вообще, — сказал третий тихо, — вроде бывает лишай без проявлений.

— Не бывает, — отгрызнулся первый. — Я у мамки спросил!

— Ну, я про такое читал, кажется. На начальных стадиях. Там только сыпь типа какая-то...

— Это и есть проявления! А у них никакой сыпи нету!

Взгляды снова скрестились на мне.

— Эй! Тормоз! Сыпь есть?

— Не знаю, — сказал я.

А потом исправился:

— Есть. Была. Прошла.

— Да лепит он.

Я не знал, что делать. Олежка смотрел с отчаянием. Я подумал, что вот у меня в руке молоток, но что мне с этого молотка? Если я кого-то ударю, меня отправят в колонию для несовершеннолетних, и потом я вернусь через несколько лет, как вернулся Андрюха с соседней улицы, — он испугался, приложил хулигана кирпичом, и все, уехал, а вернулся каким-то диким, мало говорил, мало смеялся и никому не смотрел в глаза. Он старше нас и работает грузчиком, у него через все лицо — через бровь, щеку и губы — тянется тонкий белый шрам.

Но ничего делать не пришлось. Старшеклассники вдруг разом — как по волшебству — потеряли к нам интерес. Им самим это все надоело.

— Мы так до дождя не успеем, — сказал один из них.

Он подкинул мяч, который до этого держал в руках, и с силой ударил по нему — так, что мяч улетел вверх.

Мы все задрали головы.

Мяч поравнялся со скворечником, остановился, точно заглядывал внутрь, и ринулся вниз. Но обратный путь оказался сложным — мяч ткнулся в белую кору, отлетел и заспешил к нам, перепрыгивая с ветки на ветку, как белка.

В самом низу он как-то дернулся, грянулся о ствол и нырнул совсем в другую сторону, к воротам.

Старшеклассники бросились за ним и принялись его пинать.

Я уж было решил, что про нас они забыли, но тот, что приставал с расспросами, обернулся и показал мне кулак.

Олежка встал, прижимая к груди перекошенного змея. Я поднял фанерки, гвозди, то, что осталось от газеты, и мы пошли в сторону центральных ворот, огибая футбольную площадку.

Дальше мы двинулись мимо школы, по дорожке, среди клумб, и наконец покинули школьный двор.

* * *

И конечно, мы тут же свернули налево и пошли вдоль забора — надо было возвращаться за змеем.

— Может, потом заберем? — спросил робко Олежка.

— Дождь ливанет — и капут.

— А вдруг не ливанет?

Но он, вероятно, сам знал, что ливанет: небо было наполовину затянуто облаками и парило не на шутку.

Мы дошли до угла, свернули за продуктовый магазин и нырнули во двор одного из угрюмых трехэтажных домов. Дом был желто-серый, приземистый, как будто насто-роженный, а в глубине двора, за перекошенными деревянными гаражами и целым лесом сирени маячила все та же серая бетонная стена. Школа возвышалась над домами, как великан.

На каждой лавке кто-то да сидел. Бабульки в платках, мамы с колясками, галдящие девчонки. Мы двинулись напрямую, через детскую площадку. Чтобы забраться на забор с этой стороны, надо было влезть на скелет чьего-то «запорожца», стоящий здесь без стекол, без колес и без одной двери уже лет сто. Олежка все прижимал к себе своего змея.

Когда я вскочил сперва на капот, а потом на крышу «запорожца», бабульки возне-годовали. Я даже глазом не моргнул, ухватился за стену и оседлал ее.

Олежка мялся внизу и не знал, куда деть свое сокровище.

— Спрячь в салон, — посоветовал я и указал на «запорожец».

Олежка замотал головой.

— Олег, — сказал я, — посмотри, какой он кривой. Он все равно не полетит.

Олежка снова замотал головой.

Я махнул рукой.

— Как хочешь.

Олежка смотрел на меня с мольбой.

— Слушай, — сказал он, — а может, я здесь подожду?

Я нахмурился. Потом вздохнул.

— Как хочешь.

Вдруг произошло нечто странное.

Нас накрывала тень от школы. Тень подминала меня, стену, «запорожец», Олежку со змеем и угол одного из гаражей. И тут я увидел, как тень вдруг поползла вперед и окутала гараж целиком, за ним второй, а потом растеклась по двору, карабкаясь на стену дома.

Я вскинул голову — облака закрыли половину неба и спрятали солнце. По двору за-метался ветер.

— Жди, — повторил я презрительно, отвернулся и посмотрел вниз.

По эту сторону между стеной и школой был узенький проходик — метра в полтора шириной. С одной стороны — парадной — он был закупорен железной дверью, а с дру-

гой выходил на школьный двор, прямо к заветному гаражу. В этот проходик таскались курить старшеклассники — и все было усыпано окурками. Кроме того, тут было навалено невероятное количество всякого мусора: поломанные стулья, путаница из проволочки, палки, доски и тому подобное. Довершала картину трава по пояс, прорывающаяся кустами крапивы.

Сюда падать было нельзя. Я сел поудобнее и пополз.

Ползти надо было порядочно — мимо школьных окон. По высоте — ровнехонько между первым и вторым этажами. Я полз и заглядывал в окна.

Олежка остался позади. Я выбрался из двора — в соседний, с закрытыми воротами и взъерошенной собакой на цепи — и потерял Олежку из виду.

В одном месте, между кабинетом математики и кабинетом биологии, смотрело прямо в проходик странное и бессмысленное крылечко. Обшарпанная дверь с тремя ступеньками. На двери висел здоровенный замок.

Далее была учительская, за ней — одинокая бойница медкабинета, а за ней — музыкальный класс.

И одно из окон музыкального класса было открыто.

Я застыл.

А потом развернулся и двинулся назад. Взъерошенная собака на цепи, в первый раз проводившая меня равнодушным взглядом, теперь подпрыгнула и залилась лаем. Собака была черная как уголь и очень жуткая.

На кончик моего носа упала капля. И вдруг, точно эта капля что-то сделала с моим обонянием, я почувствовал, как пахнет гроза — вязко и пряно.

Я остановился.

Ныл палец.

Собака скакала на задних лапах и пыталась сорваться с цепи.

У меня внутри будто мельничные жернова терлись друг о друга — медленно, со скрежетом. Я закусил губу, хлопнул себя по коленям, развернулся к гаражу и поспешил за змеем.

На щеку упала вторая капля. Небо было застелено стремительно темнеющими облаками. Справа еще лучилась беззаботно синева, из-за обрыва облаков в нее лился солнечный свет.

Я прополз мимо открытого окна. Манящий полумрак, парты, стулья кверху тормашками, белые парики на портретах — у меня сердце чуть из груди не выскочило.

Но там, совсем рядом, на ржавом гараже улыбалась стремительно темнеющим облакам брянский скульптор в беретке с буквой «А», первый мой змей, который решил взлететь, — и на этот раз я не мог, не смел его предать.

Я с тоской посмотрел на белые парики, оторвал себя от них и ускорился.

Третья капля упала на шею. И за ней сразу четвертая — на колено. Капли были теплыми и крупными.

Когда из-за школы стал виден угол гаража, я соскользнул вниз, в траву. Пришлось высоко поднимать ноги и постоянно через что-то перешагивать. С этой стороны забор был весь исписан — мат сам по себе и оскорбления, имеющие адресатов, громоздились друг на друга, топорщились и ползли во все стороны, как сороконожки. Я нашел взглядом витиеватое ругательство в адрес нашего физрука.

Завыло — и мне в лицо ударил горячий ветер. Я зажмурился. Ветер ворвался, втиснулся в проходик и понесся между школой и стеной, выдирая траву.

Хлопнуло от ветра окно музыкального класса.

Сторож услышит, как оно хлопает, и закроет.

Облаков уже не было — были тучи; вот-вот прорвется и ливанет. Я цаплей добрался до угла, выглянул. Старшеклассники носились по площадке, кричали, пинали мяч.

До гаража еще надо добежать — желательно незамеченным.

Однако с футбольной площадки все просматривалось очень выгодно. Упало еще несколько капель, взревел за спиной ветер — можно было подумать, что он застрял, или зацепился за проволоку, или влез в крапиву — и теперь вот ревет в ярости.

Но старшеклассники непогоды не боялись.

Мне помог мяч — снова. Когда я уже был готов плюнуть на все и выскочить, он взлетел от чьей-то ноги, грянулся о березу и срикошетил во двор к косматой голове. Старшеклассники ступевались, а потом, переругиваясь, побрели к забору.

Я рванул к гаражу, вскарабкался на него, ободрал локоть, но змея не обнаружил.

По гаражу каталась весело труха. Падали звонко редкие капли — дождь все никак не мог начаться, точно меня ждал.

Старшеклассники топтались у горы песка, робели.

Я засуетился, сполз на землю.

Змей стоял вертикально, прислонившись к торцу гаража, — прятался от дождя. Его сбросило ветром — но сбросило, надо сказать, очень удачно. Брянский скульптор улыбалась мне как родному. Я подхватил змея, катушку и кинулся напролом — мимо футбольной площадки и клумб. Перед тем как вынырнуть из центральных ворот, я обернулся на старшеклассников. Они все еще топтались у забора, один стоял на куче песка.

Заметили ли они меня — не знаю.

Небо нависало потолком, на дороге извивались волны пыли. Было так душно, что воздух казался липким.

* * *

Олежка сидел в «запорожце» боком, высунув ноги наружу. Змей развалился в пассажирском кресле.

Олежка увидел меня, вылез, поглядел на небо с опаской.

— Ливанет.

— Ливанет.

Он вытащил из «запорожца» змея и прижал к груди.

— Как прошло?

— Лучше некуда.

Двор опустел, кроме нас с Олежкой — никого. Ветер был точно пьяный: то тишина, духота, то вдруг навалится и давай кусты трепать.

Как-то вдруг потемнело — будто наступил вечер.

— Слушай, — сказал Олежка, — я голодный — жуть.

Я тоже был очень голоден.

— Я тоже.

— Пошли ко мне, — предложил Олежка.

Я замялся — никогда у него не был.

— А кто дома?

— Бабушка. Может, мама. Сестра уехала.

У Олежки была красавица сестра, студентка.

— А дед?

— В санатории.

Олежка вернул змея «запорожцу» и присел на корточки — перевязывать шнурки. Ветер рванул — и змей пополз по сиденью.

Я пожал плечами.

— Пойдем.

Олежка встал, поймал змея и опять посмотрел на небо. Капать перестало, но становилось все темнее и темнее.

— Ты видел когда-нибудь шаровую молнию? — спросил он.
— Нет.
— А я видел.
Начинается.
— Не ври.
— Не вру! У бабушки спросишь!
Я вздохнул. Не хотелось грубить перед походом в гости.
— Хорошо-хорошо, — сказал я.
— Не веришь.
— Верю.
Олежка покачал головой.
— Это вот в том месяце было, в грозу. Когда клен упал.
— Помню.
— Серьезно, шаровая молния. Не вру. Она у нас по двору пролетела, мимо окна. Мы с бабушкой видели.
Я кивнул.
— Страшно — жуть, — сказал Олежка. — А вдруг они живые?
— Кто?
— Шаровые молнии.
Это было уже чересчур.
— Олежка, — процедил я, — пойдем, а?
Окно на втором этаже распахнулось, из него высунулась краснощекая женщина.
— Саша! — крикнула женщина. — Домой!
Но во дворе были только мы с Олежкой.
— Саша! — снова крикнула женщина.
Потом посмотрела на нас.
— Олег! Ты Сашу не видел?
Олежка оторопел, замотал головой. Женщина всплеснула руками и исчезла.
Ветер взвыл — и сирень рядом с нами закачалась, вскидывая вверх руки-ветви.
Я посмотрел на Олежку.
— И кто это?
Олежка пожал плечами.
— Не знаю. Не помню. Лицо знакомое, но...
Он не договорил. Снова забились о тропинку крупные редкие капли — гроза теряла терпение.
— Идем, нет?
Олежка кивнул.

* * *

Его дом стоял через три улицы — маленький, низенький, но очень аккуратный, с палисадником в цветах и круглым чердачным окошком. Это была самая зеленая улица в округе — вся в кленах. Когда мы взлетели на крыльцо, клены стонали, скрипели, а листва хлопала, как паруса, но дождь все никак не начинался.

Нас встретила Олежкина бабушка — высокая, худая, со светлыми голубыми глазами. Такими же были и мама, и сестра — высокие, худые, голубоглазые.

Олежкина бабушка носила пышный каштановый парик, на тонкой морщинистой шее сверкали белые бусы.

— Мы обедать, — сказал Олежка.

Я поздоровался.

Олежкина бабушка внимательно посмотрела на меня, потом шагнула в сторону и показала рукой в глубь дома.

— Проходите.

— А можно во дворе? — спросил Олежка.

Бабушка бросила взгляд на клены, пожала плечами.

— Как хотите.

Мы шагнули в узкий темный коридорчик, весь заставленный и завешанный, но почти сразу же Олежка юркнул влево, толкнул дверь, и мы оказались во дворе.

Я успел увидеть маленькую светлую кухню с широким окном и цветами в горшках.

И двор был — сплошные клумбы. Мы свернули за угол, прошли мимо кухонного окна и оказались перед импровизированной беседкой — у самой стены, под козырьком навеса, стоял столик. Две скамейки. Козырек был густо увит виноградом — виноград свешивался гирляндами, на манер занавесок. Чтобы влезть в беседку, нужно было наклоняться.

Теплый виноградный завиток коснулся моей щеки. Воздух дрожал от напряжения — когда же гроза?

Олежка сунул своего змея под лавку, я последовал его примеру. Он смахнул со стола крошки и уселся, упершись локтями в столешницу, — спиной к дому. Я сел рядом.

Над клумбами возвышались две раскидистые яблони, на одной — скворечник. По периметру тянулись целые заросли: сирень, малина, смородина, крыжовник. В углу — сарай с зеленой от мха крышей.

И клумбы, клумбы, клумбы.

Я сидел, спрятав руки под стол. Ветер свирепствовал — и двор был похож на бурлящее зеленое море.

— Может, и не ливанет, — сказал задумчиво Олежка.

— Ливанет, — отрезал я.

Вдалеке заурчал гром.

— Да, наверное, ливанет.

Пришла Олежкина бабушка, поставила на столик две тарелки с голубцами. Пока она уходила и снова возвращалась, гром проурчал еще дважды — громче. Казалось, что гром тоже голоден и потому урчит. Перед нами вырос кувшин с компотом, из-за него выглянули две чашки.

У той, что досталась мне, на ручке был небольшой скол.

Олежкина бабушка пожелала нам приятного аппетита и ушла.

Начали есть. Я, признаться, терпеть не могу голубцы.

— Терпеть не могу голубцы, — сказал Олежка.

Но уплетал так, что за ушами трещало.

Небо вздулось — черно-серое. Оно перекатывалось и уходило вдаль, к горизонту. Из-за сплошного забора было видно крышу соседского дома, выглядывали дрожащие кроны деревьев.

Какая-то птичка выпорхнула из скворечника, обернула круг по двору и нырнула обратно.

— Ого, — сказал я.

И в этот момент на двор обрушился ливень. Обрушился внезапно — сплошным потоком. Мне показалось, что я оглох — такой стоял грохот.

Сверкнула молния, за ней — сразу же — еще одна. Мы оставили в покое голубцы.

Ливень был таким яростным, что нельзя было понять — сверху вниз хлещет вода или наоборот. Листва на деревьях, кустах, цветы, трава — все гнулось к самой земле в надежде спрятаться. Крона за забором исчезла — даже соседская крыша казалась ниже, чем минуту назад.

Дождь водопадом срывался с темных виноградных ветвей, мне в левый локоть отскакивали мелкие холодные брызги.

— Намокнут! — закричал я Олежке на ухо.

Он изогнулся, выхватил своего змея, моего, вскочил на скамейку ногами, подтянулся и пихнул их под самый козырек, на деревянную перемышку.

— Хитро.

Отяжелел от воды и свесился ниже виноградный занавес.

Даже ветер оробел от такого буйства, замер, спрятался — и перед нами стоял лес из тонких серебряных спиц.

Мы вернулись к голубцам, а когда с ними было покончено, разлили по кружкам компот — в нем плавала горстями смородина — и принялись цедить, глядя на дождь.

Мне отчего-то было очень стыдно перед Олежкой — я даже не знал за что. Мы никогда близко не общались, и другом я его не считал, и если бы он тоже не опростоволосился с этими змеями да еще если бы он не уронил в реку банку, в которой я два месяца выращивал кристаллы из медного купороса, — если бы не все это, то я, конечно, не сидел бы сейчас у него во дворе и вообще все это утро с ним бы не шатался.

И он меня порядком раздражал. Он весь был какой-то... несуразный.

Трудно объяснить.

И вот сейчас он сидел рядом и цедил компот, и я цедил, а перед нами грохочущей стеной стоял ливень, и ручьи бежали по вензелям винограда и сыпались на лавку напротив и на край стола.

По столу пополз слева направо жук. Он обернул дугу вокруг графина и двинулся к центру. В центре он замер, пошевелил усиками и спрятался за Олежкину тарелку.

Олежка поднял тарелку.

Жук запаниковал и принялся снова зигзагами, натываясь на капли, а потом не выдержал, рванул к краю стола и скрылся.

Было холодно. Заныл снова палец. Я посмотрел на него — ноготь был похож на квадратик коричневого картона.

— Слезет, — сказал Олежка. — У меня так на ноге было.

Он вытянул босую почему-то ногу из-под стола, уперся ей в лавку и, прижав подбородок к колену, показал на большой палец.

Палец был грязный, мокрый и совершенно обычный.

— Круто, — сказал я.

Олежка спрятал ногу. Потом достал из кармана стеклянный шарик и принялся катать его по столу. Я посмотрел наверх — из-под козырька улыбалась брянский скульптор.

Шарик катался по столу беззвучно: все звуки тонули в ливне. Олежка перестал его катать, взял и в который раз поднес к глазам. А потом опять принялся катать. Он отпущал шарик на волю, легонько подталкивал пальцем, и шарик пускался в путь по прожилкам столешницы, но когда оказывался у самого края и, вероятно, предвкушал свободу — Олежка хватал беглеца и возвращал на место.

Я положил руки на стол, на них — подбородок и стал смотреть на дождь.

Вокруг нас переливалась, мерцающая, серая пелена.

— Так, значит, сегодня не получится? — спросил Олежка.

— Что?

— Ну. Змеи. Дождь же.

Я об этом и не подумал.

Я пожал плечами.

— Завтра, значит. Или послезавтра. Когда-то же он закончится.

Олежка вздохнул.

— Мой так и не опробовали.

— Успеем.

Слева возникла высокая темная фигура. Мы повернулись. Сквозь дождь шла Олешкина бабушка — под широким черным зонтом. Она склонилась и заглянула к нам. Она была похожа на какую-то актрису — я не помнил имени — у нее было старое, сухое, но почему-то очень красивое лицо.

— Идите-ка в дом.

Олешка замялся.

— Олег, ты только что болел. Идите в дом.

Олешка встал и посмотрел на меня. Я тоже встал.

Олешка нырнул под зонт, я как-то кособоко пролез следом — с винограда за шиворот полилась ледяная вода. И мы пошли — медленно, цепляясь ногами.

Уточняю — цеплялись ногами только мы с Олешкой, а его бабушка будто по воздуху плыла — подбородок вздернут, губы поджаты. Олешка жался к ней, прячась от воды, а мне было неловко — и я наполовину был там, вовне, обвитый прозрачными нитями.

На крыльчке перед дверью — три ступени — Олешка споткнулся, но бабушка подхватила его за шиворот свободной рукой. Я посмотрел на другую руку — с длинными тонкими пальцами, на одном которых красовался перстень. Я стал вглядываться — не мерцает ли? — но ничего не увидел.

Когда вошли, Олешкина бабушка поставила раскрытый зонт прямо у двери, перегородив коридорчик, — и вокруг него мгновенно образовалась лужа.

— Вымокли?

Олешка замотал головой.

— Идите в комнату. Чаю сделать?

Олешка закивал.

* * *

В комнате у Олешки пахло цветами. Я повертел головой и — так и есть! — увидел на комодке вазочку, а в ней — цветы.

Меня аж передернуло.

Комната была маленькая — в этом доме больших не имелось, — но, как и все тут, уютная. Справа — диванчик, слева — комод, по центру — письменный стол, окно. Вот и все. Над комодом висела картина — какой-то пейзаж.

— Над кроватью тоже была картина, — сказал Олешка, — но она однажды упала, ночью. Прямо на меня.

Я посмотрел на стену с черной дыркой от гвоздя.

— Испугался?

— Нет.

На столе лежали книги, тетради. Справа от окна висела лампа с тонкими стеклянными завитушками в качестве украшения. Окно закрывал прозрачный тюль, сквозь него был виден двор, придавленный дождем.

По подоконнику стучали звонко капли, шумела ровным гулом гроза.

Олешка сел на стул, я — на диванчик.

Отдельного описания заслуживает комод. К вазочке с цветами со всех сторон стремились динозавры — два десятка фигурок были расставлены на комодке в соответствии с каким-то строгим планом. Все смотрели на вазочку, как на обелиск.

Олешка проследил за моим взглядом и рассмеялся.

Повисла тишина.

Вдруг он вскочил.

— Сейчас!

Он выбежал из комнаты и вернулся через минуту с книгой в руках.

— Вот, «Цыганы».

Он протянул мне — я взял.

Это было подарочное издание — с толстой бумагой и множеством иллюстраций. Текста на страницу приходилось совсем чуть-чуть, вокруг него извивались всякие вензеля. Тут даже была закладка — тонкая золотая лента, вырастающая прямо из корешка.

Я перелистал книгу — страницы замелькали, торопясь друг за другом, — и одобрительно кивнул. Олежка сел рядом и взял «Цыган» из моих рук.

— Вот, — сказал он, — вот как они жили. Гляди какие.

Я увидел костер, а вокруг него людей. Кто-то сидел на земле, кто-то стоял — они держали в руках гитары, пели. Женщины танцевали. На заднем плане темнели треугольники шатров.

— А вот, — сказал Олежка, — вон какая.

Он поскрипел страницами — и нашел портрет девушки. Она была очень красива, у нее были черные кудри, черные глаза, длинная белая шея и белые плечи. Она смотрела на нас с прищуром и, казалось, была недовольна тем, что мы ее потревожили.

— Да, — сказал я, — это какие-то другие цыгане.

— Я о том же.

Дождь усилился — хотя, казалось, уже некуда, — и подоконник затрясся, дребезжа.

— А ты читал? — спросил я Олежку.

— Это?

— Да.

— Не читал.

— Почему?

Олежка пожал плечами.

Он закрыл книгу и положил на стол. Я услышал шаги — в дверном проеме возникла Олежкина бабушка с подносом. На подносе дымились чашки.

— Очень горячий, — сказала она. — Олег, подвинь книгу.

Олежка схватил «Цыган», и бабушка поставила на их место поднос. Потом она откинула со лба искусственную прядь и присмотрелась.

— «Цыганы»?

Олежка кивнул.

— Замечательная вещь.

Она взяла книгу из Олежкиных рук и стала листать. Мелькнул портрет девушки. Олежкина бабушка остановилась, вернулась назад, улыбнулась.

— Ну просто я пятьдесят лет назад, — сказала она.

Я присмотрелся. У Олежкиной бабушки были светлые глаза и ровный, прямой нос. У девушки на портрете нос был с горбинкой, глаза — черные.

Олежка тоже посмотрел на бабушку, потом на меня — и как-то неловко хмыкнул.

Бабушка вернула ему книгу.

— Я буду у себя, — сказала она. — Будете уходить, постучи — могу задремать.

Она пригладила Олежке волосы и вышла. Мы остались вдвоем. Ветер усилился — и теперь капли бились прямо в стекло, а прозрачные нити ходили ходуном, заплетаясь друг о друга. Казалось, что гроза устает.

В соседней комнате забили часы — я даже вздрогнул.

От чашек тянулись вверх лепестки пара — чашки были те же самые.

— Слушай, — воскликнул Олежка, — фокус показать?

Он всех уже достал своими фокусами — но сейчас отказаться я, конечно, не мог.

— Давай.

Он засиял.

— Только... — Олежка повел плечами, — прохладно здесь... Тебе не прохладно? Я утеплюсь, пожалуй.

Он полез в комод и вытянул из него черно-зеленый вязаный свитер.

Я сделал вид, что ничего не понял.

— Сядь вот сюда, — сказал он.

Я придвинулся поближе к столу. Олежка устроился на стуле, попросил меня не смотреть и долго готовился — выкладывал на стол монетки, спички, игральные карты.

Наконец он торжественно хлопнул в ладоши.

— Готово!

Пока он готовился, я рассматривал картину над комодом. Заснеженное поле, речка с мостиком и домики с трубами на той стороне. От мостика к домикам шли через снег двое — взрослый и ребенок. Над ними горело небо — переливалось от зеленого к густо-оранжевому; чернели загогулинами птички косяки.

— Готово, — повторил Олежка.

Я повернулся к нему.

И началось. В Олежкиных руках исчезали и появлялись монетки, спички становились то длинными, то короткими; он угадывал карты, превращал восьмерки в королей и обратно — и при этом все время суетился, пыхтел, и на лбу его даже выступил пот, который он не решался утереть рукавом.

В свитере ему было очень жарко.

Я взял с подноса кружку, поднес к губам, сделал глоток и обжег язык.

Несколько раз что-то шло не так, и из вязаных рукавов сыпались на пол монеты или карты. Он конфузился, вертелся на стуле, пихал упавшее под стол — и вообще вел себя смешно. Я все эти фокусы знал — не просто знал, но и секрет их знал, но мне было совестно прерывать Олежку, и потому я только кивал, делал удивленное лицо и пытался пить чай.

За окном теперь уже не гремело, не стучало — оттуда в комнату плыл мягкий однообразный шум. Я подумал, что, если дождь сейчас закончится, сегодняшняя затея со змеями может остаться в силе.

Наконец Олежка, красный, издерганный, с остывшим чаем на подносе, вскочил со стула.

— И вот — еще один, — гаркнул он.

Я испугался, что он хочет «пригласить зрителя на сцену», и поэтому вскочил — и понял, что это будет выше моих сил; больше я сдерживаться не смогу.

Но он не стал меня поднимать. Он отпрыгнул в противоположный угол, к комоду. Повернулся спиной, развел руки в стороны — насколько позволял комод — и застыл.

А потом...

А потом я подавился остатками чая, потому что Олежка вдруг поднялся в воздух.

Он взлетел совсем невысоко — сантиметров на десять, может, пятнадцать, — но я совершенно ясно видел, что его ноги оторвались от пола и что руками он ни за что не держится.

У меня глаза вылезли из орбит.

А Олежка приземлился, встряхнул руками, обернулся и посмотрел на меня торжествующе.

— Ну? — воскликнул он. — Как?

Я дар речи потерял.

— Круто? Круто же?

Я не знал, что ответить. Я встал, прошел в угол и все осмотрел — нет ли какой хитрости, опоры или вроде того.

Ничего.

Я уставился на Олежку с ужасом. Он ликовал. Я нахмурился, потом выдавил из себя улыбку и спросил:

— Как?

Олежка сделал хитрое лицо, взял с подноса чай, сел на прежнее место и уставился в окно. Я тоже сел на прежнее место — напротив.

— Ну, ладно тебе, — сказал я. — Как?

Олежка продолжал с хитрым видом смотреть в окно. Потом он вздохнул и сказал:

— Дождь заканчивается.

Я даже разозлился.

— Ну, хорош!

Он молчал.

И вдруг на его лицо упал солнечный луч — от верхней губы до середины лба лицо Олежки засияло. Я увидел, что у него карие глаза.

Он прищурился.

Я посмотрел на окно. За ним творилось что-то невообразимое. Дождь еще шел, но уже совсем мелкий. В одном месте тучи — всего-навсего облака — расплзлись, проравшись, и в щель заглядывал огненный диск солнца. Солнце тянуло во все стороны лучи, истосковавшись по земле; земля была мокрая, все было мокрое — и все блестяло и переливалось. Даже дождь блестел и переливался — и казалось, что с неба во двор сыплется горстями бисер.

Это было очень красиво.

Это было чрезвычайно красиво, но у меня из головы не шел Олежкин фокус.

— Олежка, — сказал я умоляюще, — ну расскажи.

Он замотал головой.

— Даже и не проси.

И прибавил:

— Извини.

— Ну, Олежка. Ну, будь другом.

— Не могу.

Я вскочил, прошелся по комнате, снова сел.

— Ну... — я предпринял отчаянную попытку, — а еще раз покажешь?

Олежка распахнул глаза.

— Ни в коем случае!

— Ну, Олег! Это же свинство! Показать-то можно!

Он замялся. Видно было, что его подмывает выйти на бис.

— Ну! — крикнул я.

Олежка глубоко вздохнул, задержал дыхание, потом шумно выдохнул и встал.

— Ладно, — сказал он. — Но только один раз.

И вытер лоб рукавом — не выдержал.

Я сел ровно и вытянул шею. Олежка отошел в угол. Постоял немного. Потом раскинул руки и слегка пошевелил пальцами. Кисти были расслаблены, пальцы смотрели вниз — он точно ни за что не держался.

Я весь превратился в глаза.

Олежка вздрогнул — раз, другой.

И стал подниматься в воздух.

Меня даже затошнило. Телом Олежка оставался недвижим — и все-таки поднимался — медленно, но верно. Сперва между полом и его ногами — я видел обе пятки, сведенные вместе, и левую стопу целиком — была небольшая щель в пару-тройку сантиме-

тров, затем она расширилась. Олежка еще раз вздрогнул — и под ним можно было бы провести ладонью. Еще немного — и под пятки можно поставить динозавра с комода — не слишком высокого, но и не самого мелкого. У меня дыхание перехватило.

И тут я все понял.

Я увидел, что носком правой ноги Олежка стоит на полу. Он перестарался — поднялся чуть выше, чем следовало, — и я все увидел. Он стоял ко мне не ровно спиной, а как будто чуть повернувшись влево, и носок его правой ноги до поры до времени был от меня скрыт.

Но он перестарался — и секрет был раскрыт.

Олежка опять вздрогнул, стукнул пятками о пол и обернулся. И все понял по моим глазам.

Он повесил голову на грудь, дернул стул, плюхнулся на него и спрятал лицо в ладони.

— Ведь читал, — услышал я глухой голос из-за ладоней, — читал, что нельзя, — он отнял руки от лица и стукнул себя кулаком по лбу, — нельзя показывать дважды!

Он запрокинул голову и застонал.

Дождь совсем перестал. Облака таяли, открывая синее полотно неба. Солнце светило по-вечернему ласково.

Олежка дико посмотрел на меня.

— Только не рассказывай никому! — прошептал он. — Не рассказывай!

И прибавил:

— Пожалуйста!

Мне стало его жалко — и я снова почувствовал стыд.

— Не скажу, — я тряхнул головой.

— Дай слово!

— Даю.

Он протянул мне руку, и я ее пожал.

* * *

Мы решили сразу идти на поле — и там ждать остальных.

Перед выходом смяли чуть ли не десяток бутербродов — и выпили еще чаю. Олежкина бабушка проводила нас и долго стояла на крыльце.

Я спиной чувствовал ее взгляд — я ей не нравился.

Все вокруг сверкало, горели лужи-озера — какие-то мы обходили, какие-то перепрыгивали — пахло удивительно, было одновременно и тепло, и свежо, мы держали под мышками змеев и шли в приподнятом настроении.

Нам надо было пройти сквозь весь частный сектор — редющий и расплывающийся.

Чернел на крышах шифер, звенели, срываясь с кленов, капли. Людей на улице было мало, машин — еще меньше.

Мы шли и обсуждали кристаллы из медного купороса.

— Вот кому-то будет находка, — говорил Олежка.

— Находка?

— Ну, представь, сидишь ты такой на берегу, рыбу там удишь — а тут на берег выносит баночку с кристаллами.

Я представил себя на месте рыбака — и впрямь отличная находка.

— Если только она не разбилась, — сказал я. — О камни или еще что.

Олежка промолчал.

Где-то вдалеке протрубел заводской гудок.

— А еще круче, — сказал я, — если эту банку какая-нибудь рыбина проглотит.

- А ее другая рыбина!
- А ее еще одна.
- И где-нибудь...
- В Саргассовом море.
- В Саргассовом море... — Олежка посмотрел на меня. — А где это?
- Без понятия.
- В Саргассовом море рыбаки поймают эту рыбину, а у нее в пузе...
- Да.

Мы какое-то время шли молча — довольные таким сценарием. По небу лениво тянулись облака, подставляли бока солнечным лучам.

- А я ведь решил, что ты это специально, — сказал я.
  - Что?
  - Ну, банку с моста.
- Олежка возмутился.
- Ты что?!

Я кивнул.

Перед каждым домом стояли сырые лавки. На одной из них сидел Терминатор. Он сидел сгорбившись и смотрел перед собой.

- Терминатор, — сказал я.
- Олежка завертел головой.
- Справа.

Терминатор увидел нас и вытянул длинную тонкую шею. Он прищурился и замер. Я вспомнил, как он наорал на нас утром, и замедлил шаг.

- Ты чего? — шепнул Олежка.

Я не ответил. Олежка тоже замедлился. Терминатор не спускал с нас глаз. У него было серое сморщенное лицо, руки лежали на коленях, рядом стояла, прислонившись к лавке, трость.

Мы медленно прошагали мимо него. Он ничего не сказал, даже не пошевелился, только смотрел.

Когда он остался далеко позади, Олежка обернулся, поежился и сказал:

- Жуткий старик.

Я фыркнул.

- Обычный старик.

Олежка остановился, сел на корточки и принялся перевязывать шнурки.

- Слушай, — сказал я. — Зачем ты все время их перевязываешь?

Олежка закончил, выпрямился.

- Не знаю.

Он поднял с дороги камень, размахнулся и кинул его, целясь в дерево. Камень пролетел между ветвями и покотился по траве.

Дорога, по которой мы шли, была усыпана камнями. Камни были грязные — серые или бордовые. Но если взять молоток и расколоть...

Я вдруг понял, что мы где-то оставили молоток. И фанерки. Но фанерки — это пустяк, а вот за молоток могло и влететь.

- Слушай, — обратился я к Олежке, — а где же молоток?

Олежка распахнул глаза, по-дурацки хлопнул себя по карманам.

- Не знаю.

Я стал размышлять вслух:

- К тебе мы пришли без него.

- Без него.

- Но со школьного двора мы его уносили.

— Уносили.

Я посмотрел на Олежку.

— А я тебе его не отдавал, когда за змеем лез?

Олежка взъерошил волосы.

— Не помню.

— Вот и я не помню.

Улицу прошли молча.

Если расколоть такой камень... Откроется узор из волнистых разноцветных линий — но это не главное. Главное, что поверхность скола будет покрыта тонким мерцающим слоем, как будто звездная пыль замурована в булыжник — и ждет, пока ее освободят.

Первым заговорил Олежка.

— Но теперь-то, — сказал он, — теперь-то я тебе не должен?

Я посмотрел на него.

— Нет.

Он кивнул.

Мне вдруг стало не по себе. Мне подумалось, что Олежка, быть может, тоже со мной не бродил бы весь день — если бы не эта несчастная банка. Я покосился на него. Он шел и что-то насвистывал.

Он поймал мой взгляд.

— Что?

— Ничего.

Частный сектор заканчивался, последние упрямые домики смотрели на нас недоверчиво. Здесь за каждым забором было по собаке — и мы шли под аккомпанемент непрерывного лая в десяток голосов.

Солнце клонилось — сползало по небу, как огненная капля. Лучи краснели, стелились широкими полосами.

Наконец улица изогнулась, сжалась и втиснулась в арку из перекошенных коряжистых деревьев, которые сжимали дорогу с двух сторон.

Дорога падала вниз, образуя склон, — весь в колдобинах, изрытый колеями. Торчали отовсюду какие-то прутья, на обочине громоздились рваные покрывки, дырявые канистры, лохмотья ржавого железа. Между деревьями ворчала канава. Пахло мусором.

Мы, спотыкаясь, сбежали вниз и вынырнули на краю поля.

* * *

Поле было похоже на огромную желто-зеленую простыню, пузырящуюся холмами. Ветер гладил траву. Скользила, вихляя и кувыркаясь, дорога. Чуть ли не у каждого холма она расплеталась на тропинки — и разбегалась в разные стороны.

Напротив, вдалеке, поле упиралось в темную стену леса. Справа — терялось в целом архипелаге рощиц. Слева — вытягивалось и вращалось в мерцающую даль. Над полем лежало перевернутым блюдом — грандиозное, невообразимое — небо. Караванами шествовали друг за другом облака, сверкая бронзовыми боками. Небо выросло из глубокого синего к бледно-голубому, зеленоватому — и раскалялось, соприкасаясь с совсем уже вечерним солнцем.

Справа в синей глубине проглядывал бледный полупрозрачный месяц, и казалось, что синь — это вода, а месяц лежит на дне и блестит.

Пахло травой, слышался щебет — мы увидели, как ныряют в высокой траве серые птицы.

— Куда? — спросил Олежка.

Я кивнул на березовую рощицу.

И мы пошли.

— Надо взять, — говорил Олежка, загребая пыль, — и нарисовать карту.

— Какую карту?

— Карту поля. Со всеми тропинками.

Я хмыкнул.

— Да, было бы неплохо.

Мы свернули вправо. Уже слышно было, как шумят березы. В одном месте поперек тропинки лежало велосипедное колесо с гнутыми спицами.

— А представь, — продолжал Олежка, — вдруг окажется, что тропинки, например, меняют свое направление по ночам.

Я снова хмыкнул.

— И, например, ночью, они ведут не туда, куда днем.

— Да уж.

— Вот бы проверить — а вдруг?

Я рассмеялся. Олежка тоже.

Рощица — три-четыре десятка деревьев — возвышалась над нами и качала верхушками — приветствовала. Дрожал огоньками мелкий березовый лист. Песком рассыпался по округе звенящий шелест, сквозь него доносился стук — где-то в глубине дятел долбил белую кору, — и казалось, что мы слышим, как стучит у рощицы сердце — часто, тревожно.

— Давай еще раз твой запустим, — сказал Олежка.

— Давай.

Я посмотрел на брошку в форме буквы «А».

— Хочешь, ты запусти, — сказал я Олежке.

Он округлил глаза.

— Хочу!

Он побежал к березам и пристроил у корней свое сокровище — со всеми анекдотами и письмами читателей. Когда он вернулся, я вручил ему леску.

— Становись вот сюда.

— Становлюсь.

Олежка сошел с тропинки в траву.

— Ох, трава сырая.

— Ничего.

Я поднял змея над головой.

— Куда мне бежать? — крикнул Олежка.

— Вон туда.

— Куда?

— Вон туда!

Он кивнул.

— Я готов! — крикнул я.

— Я тоже!

— Раз! Два!

Я поднял глаза, посмотрел на улыбку брянского скульптора и мысленно извинился.

— Три!

Мы побежали.

Трава и впрямь была сырой — щиколотки обдало холодом.

— Быстрее беги! — закричал я, чувствуя, как дрожит в руках змей.

Олежка ускорился. Фанерки затрепетали, змей запросился вверх. Я ослабил хватку — только бы не споткнуться — фанерки проехались ребрами по ладони, я дал им прой-

ти еще немного и придерживал змея кончиками пальцев. Развел ладони в стороны — и улыбка брянского скульптора устремилась к небу.

Я остановился. Олечка продолжал бежать.

— Летит! — кричал он, изворачиваясь. — Летит!

— Можешь не бежать! — крикнул я.

Ветер скользил по полю, перекатываясь.

Я развернулся и зашагал к рошице. Я чувствовал, что очень устал за этот день, и не понимал почему.

В рошице я поправил завалившегося набок Олечкиного змея и опустился рядом, прислонившись спиной к шершавому стволу.

Олечка топтался в траве, запрокинув голову, высоко над ним парил змей. Олечка неуклюже пятился, разматывал леску. То и дело он оборачивался и смотрел на меня, ликуя.

— От берез отойди! — крикнул я.

Он послушался.

Шею защекотало — и я схватил в щепотку красного жука-пожарника, перебравшегося на меня с березы. Жук был напуган и просился на волю. Я посадил его в траву и стал смотреть, как он улепетывает, прячась за стебельками.

Когда жук исчез, я запрокинул голову — надо мной рябила переливающаяся листва, сквозь нее я видел усталое синее небо и оранжевые громады облаков.

Стучал дятел. Я повертел головой, но нигде его не увидел.

Шелест убаюкивал, я почувствовал себя очень-очень хорошо — вот так, сидя у дерева теплым солнечным вечером. Если бы не Олечка и его змей, если бы не остальные, которые вот-вот подтянутся, если бы не Дим-Димыч, который тоже будет и будет оценивать и давать советы, а кого-то и хвалить, если бы не все это, я бы сейчас лег на траву и мгновенно уснул. Я бы спал, а по мне бегал бы жук-пожарник — но я бы этого не чувствовал, так я устал. А потом, ночью, я бы проснулся оттого, что луна светит в лицо. Я бы встал, отряхнулся и пошел домой — но тропинки бы вели не туда, куда днем, и я бы двинулся напрямик, через траву, через туман, который застилает по ночам поля.

Я понял, что еще немного — и я действительно усну.

Далеко-далеко, на горизонте, белели три заусенца — трубы цементного завода. От них в небо тянулась дымка.

Я увидел, как Олечка сматывает леску, как змей возмущается и не хочет возвращаться, как наконец сдается и падает ничком в траву.

— Спасибо, — только и сказал Олечка, подходя ко мне и бережно прислоня змея к соседнему дереву.

— Не за что. Ты что, никогда змеев не пускал?

— Таких — никогда.

Я не стал уточнять — каких таких? Я спросил:

— Теперь твой?

— Погоди, — сказал Олечка, шумно дыша. — Дай отдохнуть.

Он сел слева от меня и тоже прислонился к березе.

— Ишь как стучит.

— Ага.

Я снова вспомнил про молоток.

— Слушай, — сказал я, — давай, если не поздно будет, после всего добежим до «запорожца». Вдруг молоток там.

— Давай.

Отсюда, от поля, до «запорожца» было ближе, чем до Олечкиного дома.

— Пожарник, — сказал задумчиво Олежка и снял со своего колена красного жука — он был один в один похож на моего.

Посидели молча. Шумела листва, стучал дятел, свистел в ветвях ветер. Мимо нас в сторону леса прошли рыбаки с удочками.

— А я не люблю рыбалку, — сказал Олежка.

Я пожал плечами.

— А ты? — спросил он меня.

— Не знаю.

Я чувствовал себя очень уставшим и не хотел разговаривать.

Но Олежка хотел.

— Мы с дедом ходили на рыбалку пару раз.

Я кивнул.

— Он тоже ее не любит. Просто решили вот попробовать.

— И как?

— Да никак. Посидели три часа, а поймали какую-то мелюзгу. Когда уходили — отпустили.

Я кивнул. У меня глаза слипались.

Дятел все стучал.

Олежка зевнул, я тоже.

— Спать хочется, — сказал он.

— Мне тоже.

Я потер лицо ладонями и поднялся.

— Давай запускать. А то и правда заснем.

Олежка нехотя встал и отряхнул шорты.

— Кто будет? — спросил он. — Хочешь?

— Давай.

Мы взяли анекдоты и письма читателей — и пошли в траву.

Но этот змей, разумеется, не полетел. Ни у меня, ни у Олежки его запустить не получилось. Змей трепыхался, рвался из рук, но тут же брякался в траву. Мы предприняли по десять попыток каждый, окончательно вымотались — и все безрезультатно.

В конце концов Олежка взял змея и сломал об колено, оцарапавшись при этом до крови.

— Не расстраивайся, — сказал я, когда мы вернулись в рощицу.

Олежка махнул рукой.

— Плевать.

Мы уселись на траву.

— Я серьезно, — сказал я. — Я этих змеев штук сто об колено сломал.

Олежка снова махнул рукой. А потом достал из кармана шарик и принялся подбрасывать его и ловить. Он подбрасывал его и ловил, подбрасывал и ловил — подбрасывал правой рукой, а ловил, складывая обе ладони вместе. Шарик сверкал в лучах солнца.

Наконец — я знал, что так будет — Олежка запустил шарик как-то криво, он ударился о ствол и нырнул в траву. Олежка вскочил, плюхнулся на живот и принялся ползать, причитая.

— Серьезно! — восклицал он. — Серьезно! Я сейчас еще и шарик потеряю!

Я встал и принялся ему помогать. Через несколько минут он заголосил:

— Нашел! Нашел!

Поднял шарик и показал торжествующе.

— Пора, — сказал я.

Олежка кивнул, я взял змея подмышку, мы покинули рощицу и пошли на обычное для таких мероприятий место — по ту сторону дороги, за мостиком. Рощица качала

верхушками и шумела нам вслед. Дятел продолжал стучать. Небо над березами загустело, стало темнее, месяц медленно всплывал со дна, сияя все ярче. Солнце клонилось к горизонту, но как-то неохотно, через силу.

Все поле — трава, дорога, тропинки, холмы, мы с Олежкой — все светилось оранжевым.

* * *

Нужно было пройти по дороге до мостика, а потом свернуть на очередную тропинку. Но и с нее надо было в какой-то момент прыгнуть и двинуться через траву в сторону — с тем, чтобы вскоре оказаться на вытянутом участке вытопанной, короткой травы, спрятанном между холмами.

Тут пускали змеев — и кто-то очень находчивый окрестил это место взлетной полосой.

На мостике мы остановились и посмотрели в воду. Мостик дугой возвышался над канавой, с двух сторон из земли выглядывали края бетонной трубы — между ними слева направо бежала вода.

Вода была пенистая, зелено-желтая. Вокруг канавы трава была гуще и выше — и в ней прятались лягушки.

— Говорят, что от лягушек бывают бородавки, — сказал Олежка зачем-то. — Но это неправда.

У меня была бородавка — на мизинце правой руки. К ней надо было прикладывать разрезанную пополам ягоду рябины — и тогда она бы сошла. Но мне было лень.

Я посмотрел на улыбку брянского скульптора, потом на темно-фиолетовый ноготь.

— Слушай, — сказал я Олежке. — Хочешь — забирай моего змея.

Олежка посмотрел недоуменно.

— А ты?

Я скривился.

— У меня не получалось. Теперь получилось. Все.

На самом деле я просто дико устал — и как только я представлял, что мне сейчас придется перед всеми скакать, что-то доказывая, меня начинало подташнивать.

Олежка отвернулся.

— Нет, — сказал он, — так нельзя.

Я посмотрел на него с досадой.

Мы оставили мостик позади, попетляли в траве, и очень скоро нам открылась стиснутая холмами взлетная полоса.

Там уже сидели несколько наших — на траве, — и каждый ковырял змея. Всего — человек пять.

Подошли, поздоровались.

— А ты чего без змея? — спросили Олежку.

Он замялся.

— Я просто — посмотреть.

Наши зафыркали.

— Дим-Димыча не будет? — спросил я.

— Будет.

Мы сели на краю полосы. Олежка стал перевязывать шнурки.

— Точно не хочешь взять? — спросил я.

Олежка подбросил шарик и поймал.

— Да теперь-то уже никак.

Он был прав.

Над головами раздался крики — по небу замелькали птицы. Точно на небо вдруг выпали горсть семечек. Солнце село на плоское вытянутое облако, как на лавку, и приготовилось смотреть.

Наши смеялись и хвастались друг перед другом змеями.

Наконец послышались глухие голоса — и из-за холма показались еще наши, во главе с Дим-Димычем. Дим-Димыч шел, выпятив грудь, и размахивал руками.

Дим-Димыч был здоровенным усатым мужиком — бывшим военным. Он жил на соседней улице и вечерами собирал вокруг себя мальчишек — рассказывал истории, учил мастерить скворечники, кораблики из коры и змеев и много чего еще придумывал интересного. Он был классный мужик, но слишком уж резкий.

Например, в прошлый раз, когда очередной мой змей волочился в пыли, он мне сказал при всех:

— Ты, — сказал, — парень головастый. Но руки у тебя...

Ну, и продолжил — не поскупился на краски.

Это было обидно.

Олежке тот же комплимент прилетел еще раньше, чем мне. С тех пор мое отношение к Дим-Димычу изменилось — а раньше я им восхищался, да.

— Здорово, бойцы! — пробасил он.

Мы поздоровались. Теперь все были в сборе.

Дим-Димыч посмотрел на солнце. Нижним краем оно входило в облако, как нож в масло. До горизонта было рукой подать.

— Ну что, — скомандовал он, — давайте начинать. Что-то мы сегодня припозднились.

Все засуетились, принялись снова взад-вперед, разматывать леску, щупать фанеру. Дим-Димыч, прихрамывая, обошел взлетную полосу и встал, скрестив руки на груди.

А мы с Олежкой все сидели. На меня навалилось такое равнодушие, что я даже сам удивился. Я невероятно устал за этот день и хотел, если честно, вернуться в березовую рожицу, сесть, прислонив спину, и просто сидеть — пока не засну.

Солнце погрузилось в облако наполовину, холмы заливало красным. Ветер казался теплым.

Я взял змея в руки и стал смотреть в лицо брянского скульптора. У нее на одной щеке была ямочка, а на другой не было.

— Слушай, — сказал я Олежке, — а разве такое бывает, чтоб ямочка была только на одной щеке?

Олежка не ответил. Он снял ботинки, вытянул босые ноги и шевелил пальцами — и пристально за этим наблюдал.

— Эй.

И я пихнул его в бок.

Он дернулся.

— Что?

— Я говорю, разве бывает такое, чтоб ямочка — только на одной щеке?

И повернул к нему змея.

Он прищурился.

— Да, бывает.

— Ты такое когда-нибудь видел?

Он пожал плечами.

— Может, видел.

— Может?

— Не задумывался.

А над нами тем временем уже плавали робко первые змеи — сперва их было два, потом подоспел третий, но через минуту дернулся и полетел вниз, его тут же сменил сле-

дующий. Змеи казались растерянными — не знали, чего от них хотят, и все норовили уйти куда-то в сторону. Их жгли красные солнечные лучи — солнце уже только макушкой выглядывало из облака.

Если какой-то из змеев падал или вовсе не взлетал, хозяин подхватывал его и бежал к Дим-Димычу. Дим-Димыч вертел змея в руках и принимался объяснять, где что сделано неправильно и можно ли это исправить.

Если же некому было указывать на ошибки, он давал советы тем, у кого все получалось — кричал, как лучше ловить ветер, на какую сторону переходить и прочее.

Наши метались по полосе, как сумасшедшие: сталкивались, ругались. Но вообще места хватало всем — в крайнем случае можно было влезть на холм.

Некоторые так и делали.

А мы вот с Олежкой все сидели. Дим-Димыч это увидел и направился к нам.

— Ну, — пробасил он, — а вы чего?

— Ничего, — ответил я и удивился своему нахальству.

Он нам загораживал обзор — и у него на ремне блестела здоровенная бляха со звездой.

Солнце исчезло в облаке, и облако переливалось огненными всполохами. Казалось, что оно горит внутри и вот-вот треснет с хрустом — и из него на горизонт посыплется труха.

Я встал, Олежка тоже.

— Вот, — и я показал Дим-Димычу портрет брянского скульптора.

— Красивая женщина, — одобрительно покачал головой Дим-Димыч.

Потом он усмехнулся.

— Пускать будешь? Или полюбоваться принес?

— Буду.

Дим-Димыч сделал шаг в сторону и перестал загораживать обзор. Мы с Олежкой пошли вперед.

Запускать надо было на краю полосы — а потом, когда змей уже был в воздухе, можно было перемещаться в центр. Я размотал леску, вручил Олежке змея — и мы начали.

Змей точно заждался — так быстро он еще никогда не взлетал, я испугался, что леска выскользнет из ладони. А ведь дергать нельзя.

Когда портрет красивой женщины поднялся достаточно высоко, я перебрался в центр полосы. Тут было главное — не спутать леску.

Я наступил кому-то на ногу.

— Эй! — раздалось у меня над ухом. — Смотри, куда прешь!

Я смотрел вверх. Наверху, по холодному стеклянному небу метались прямоугольники змеев. Солнце прожгло облако насквозь и выглянуло из-под него, как из-под шляпы.

По полю прокатилась волна теплого плотного ветра. Заквакала лягушка.

Мой змей был, конечно, самым лучшим. Но никакой радости я от этого не испытывал, я был как в коконе — равнодушие, равнодушие, равнодушие. Где-то далеко, на краю сознания, стрекотала кузнечиком мысль: «Я смог, у меня получилось, вот вам всем, вот тебе, Дим-Димыч, усы и бляха». Но эта мысль была как будто не моя, моего у меня сейчас было одно только равнодушие. Мне казалось, что уши у меня заложены ватой, а тело — легкое и прозрачное, подпрыгну, и змей унесет меня в небо. Пахло травами — так, что голова шла кругом.

Мысль пострекотала-пострекотала и растворилась — точно ее и не было.

Я размотал леску — всю, что была. И снова наступил кому-то на ногу. А этот кто-то — мне.

Справа два прямоугольника столкнулись, задергались и понеслись вниз. Я услышал, как ругаются между собой их хозяева.

— Все! — кричал один. — Сломал! Сломал!

— Сам виноват! — кричал второй.

Леску было приятно держать пальцами — она казалась теплой. Змей нырял то в одну сторону, то в другую, и леска перекатывалась по кончикам пальцев. Я развернулся, отбежал немного и увидел первую звезду — яркую, похожую на песчинку. Она лежала на светлом еще небе — над солнцем.

Ветер бился о холмы и кружил по взлетной полосе, подыгрывая нам.

Я стал осторожно перемещаться и подтягивать леску — я хотел так выставить змея, чтобы он парил напротив звезды.

Змей поплыл вбок, чуть не упал, потом понял меня и стал ровнехонько напротив — и закрыл звезду от меня. Мне казалось, что я дышу не грудью, а шеей, что голова наполняется воздухом и тянет тело вверх.

Кто-то ткнулся мне в спину.

— Извини!

Я не ответил. В ушах загудело — я раскрыл рот и громко зевнул.

— Ишь, запел.

Я моргнул, свободной рукой потер глаза. И стал двигаться к краю, сматывая понемногу леску. Змей противился, ему нравилось в небе. Я дернул еле-еле — и змей с фырканьем упал в траву.

Тут же подскочил Олежка.

— Круто! — заорал он мне на ухо. — Супер!

Я поморщился. Мы вернулись на наше прежнее место.

— И все? — спросил Олежка. — Больше не будешь?

— Нет.

— Почему?

Я пожал плечами.

— Может, ты? — спросил я.

— Нет и нет.

Подошел Дим-Димыч.

— Ну! — гаркнул он и опустил мне на плечо пудовую ладонь-ручищу. — Молодчина!

Я выдавил из себя улыбку.

— Наконец-то!

— Ага.

Дим-Димыч был так рад, точно это у него впервые получилось смастерить что-то пристойное. Он сжал мое плечо — до боли.

Подбрели и стали рядом несколько наших — кто не был занят.

— А все почему? — расхохотался Дим-Димыч, оборачиваясь к подошедшим.

Он взял у меня из рук змея.

— Потому что осознанно подошел к подбору материала! Смотрите, какая бельфам!

Я понятия не имел, что такое бельфам. Но выдавил из себя еще одну улыбку. Наши за животы держались от хохота — как будто они знали, что такое бельфам.

Я посмотрел на Олежку. Он глупо улыбался.

— Мы пойдем... — сказал я, когда хохот утих.

Дим-Димыч вернул мне змея.

— Может, со всеми? — спросил он. — Сейчас темнеть начнет.

Солнце почти касалось горизонта.

— Да нам еще это... надо... — промямлил я.

Олежка смотрел на меня удивленно — он, видно, не хотел уходить. Но спорить не стал.

— Как знаете, — махнул рукой Дим-Димыч. — Только идите прямо сейчас. Чтоб до темноты успеть.

Я кивнул. Мы помахали нашим, те помахали в ответ, и мы двинулись к мостику. Дим-Димыч остался стоять на краю полосы.

Мы взобрались на холм, и уже видно было мостик, но тут я вдруг остановился.

— Погоди, — сказал я Олежке. — Я сейчас.

Я развернулся и побежал обратно, к Дим-Димычу.

Тот посмотрел на меня строго.

— Остаться решил? Рохлю, — он кивнул на холм, — одного не отпущу. Потеряется. Олежка сидел на вершине холма и перевязывал шнурки. Поднял голову и посмотрел на нас.

— Нет, — сказал я, — я ухожу. Я спросить хотел.

— Ну?

Я замялся.

— Вот вы... вы говорили, что у старика, у Терминатора, детства не было.

Дим-Димыч зашевелил усами — он всегда так делал, когда задумывался.

— Ну.

— А это как? Чтоб детства не было. Так же не бывает.

Дим-Димыч цыкнул и скривился.

— Да это ж я образно. Метафорически!

На полосе раздались крики, началась суета. Двое наших сцепились и мутузили друг друга, катаясь по траве, а остальные толпились вокруг и выкрикивали советы. Дим-Димыч заспешил к дерущимся.

Я постоял немного, обернулся на Олежку. Олежка торчал на холме, как солдатик. Я помахал нашим — хотя на меня никто не смотрел — и зашагал вверх.

* * *

На краю поля, у самых деревьев, мы обернулись. Солнце наполовину провалилось за горизонт и отчаянно тянуло лучи во все стороны — будто не хотело покидать этот день. По холмам перекатывались красные волны — ветер расчесывал высокую траву. У рожиц волны пенились и рассыпались. Месяц висел низко, казалось, что ветер сейчас сорвет его и унесет. Облака растаяли, небо отодвинулось от земли, выгнулось дугой. Слева, за одним из холмов, колыхались, точно странные цветки на длинных тонких стеблях, несколько змеев — наши будут пускать их, пока не стемнеет.

Мы с Олежкой засмотрелись на змеев.

— За молотком? — спросил он наконец.

— За молотком.

— К «запорожцу»?

— Да.

Мы отвернулись от поля и шагнули под темный свод скрюченных деревьев. Дорога потянулась наверх, было уже не до разговоров. Один раз я споткнулся и чуть не повалился. Тянуло сыростью, противно пахло, в траве надрывались лягушки, журчала канава.

На улице, за деревьями, все казалось каким-то несуразным: крыши, окна, палисадники с калитками, тархтящие автомобили. Мы шли, точно оглушенные. Отовсюду — шум, гудение, разговоры.

— Вот бы поставить в поле шалаш, — сказал Олежка, — и жить в нем.

Я кивнул.

Здесь было темнее, над домами колыхались вуалью сумерки. Каждое второе окно горело.

— Смотри, — сказал я.

На крыше одного из домов, на самом верху, на тонкой металлической спице темнел флюгер. Флюгер был очень красивый — в виде парусника с острым носом. Он был совсем плоский и дрожал на ветру, искал курс. На фоне бледного вечернего неба он казался вырезанным из черного картона, и мне почему-то при взгляде на него стало грустно.

— Класс, — сказал Олежка.

Когда мы добрались до «запорожца», солнце уже совсем скрылось, но небо с той стороны еще теплилось. Во дворе было полно народу, дети играли на площадке, все скамейки были заняты, и гроздь сирени белели, покачиваясь.

Молоток лежал на сиденье, сиденье было сырым от прошедшего дождя, и молоток тоже был сырым.

Я посмотрел вокруг. Все таяло — скелет «запорожца», сирень, качели. Таяли скамейки, таяли двери подъездов, таяли незажженные окна. Крыша дома сливалась с небом, на котором проступали каплями звезды. Фонари еще не горели, и все казалось призрачным, загадочным. За «запорожцем» бетонный забор врал в школьную стену, и сама школа уплывала куда-то вверх.

Я вспомнил про музыкальный класс.

— Олег!

Он подскочил.

— Что?

— За мной!

Я запрыгнул «запорожцу» на капот, потом на крышу — и полез на стену.

Олежка замялся.

— Мне домой надо...

— Подождет!

— Да время-то...

Я посмотрел на него сверху.

— Там окно открыто.

Даже в сумерках я увидел, как у него округлились глаза.

— Где?

— В музыкальном!

— Врешь!

— Еще днем видел, когда за змеем лез.

Олежка посмотрел недоверчиво.

— А почему не сказал?

— Забыл.

Он продолжал смотреть недоверчиво.

— Как хочешь, — сказал я и сделал вид, что начинаю ползти.

А ползти было неудобно — со змеем под мышкой и с молотком в руке.

— Стой! — воскликнул Олежка как-то тоненько. — Я с тобой!

Он полез на «запорожец». На скамейках снова заворковали негодующе. Я помог Олежке взобраться, и мы поползли.

В сумерках школа казалась просто гигантской — черные окна расплзались и ширились, точно дыры. Над крышей клубилось, тускнея, небо.

В соседнем дворе — том, что с собакой — стояла тишина. Собака, судя по всему, была в конуре — у входа белела миска. Дом уже спал. На балкончик второго этажа вышел мужчина — и мы видели его силуэт на фоне сияющего проема. Он оперся о перила и смотрел перед собой. Заметил ли он нас — не знаю.

Вот крылечко с замком. Вот класс биологии. Вот — учительская. Психолог. А за ним...

Я возликовал — окно было по-прежнему открыто. Я кликнул Олежку, он вытянул шею, прищурился — и радостно засопел.

— Давай слезать, — шепнул я. — Только тихо. Заметят — решат, что мы тут воруем.

Я оставил змея на заборе, прижав его молотком, свесил обе ноги — и замялся. Внизу пузырилась проволокой и травой темнота, был велик риск угодить в крапиву или куда похуже.

— Что там? — зашептал Олежка.

— Ничего. Тише ты!

Я лег на забор животом и стал медленно сползать вниз. Забор больно проехался по груди, я вытянул шею, повис и стал понемногу распрямлять руки. Вот носок коснулся какого-то выступа, а вот уперся в доску. Я ткнул ее ногой — крепкая — и съехал вниз, взмахнув руками, чтобы не упасть — доска была крепкой, но стояла неустойчиво.

— Подай змея.

Олежка протянул мне змея и молоток. В сумерках лицо брянского архитектора казалось усталым — и улыбалась она уже через силу, потому что надо.

— Давай, — поторопил я Олежку.

Под ногами была какая-то зыбь — трава щекотала колени, но крапивы, кажется, не было. Я сделал шаг — и оказался у окна.

В окне было черным-черно.

Я приоткрыл створку, сунул змея и молоток на подоконник и ухватился за край. Сзади зашуршало, Олежка зашипел, подскочил ко мне.

— У-у-у, — шипел он, — в крапиву влез.

— Где ты ее нашел?

— Да где-где! — И он снова стал шипеть. — Все ноги горят!

— Тише! Нас из-за твоих ног поймают!

Олежка перестал шипеть.

— Полезли.

Я крепче ухватился за подоконник, уперся ногой в стену и подтянулся. Змей и молоток соскользнули на пол. Раздался грохот.

Несколько секунд мы не шевелились, потом я плюхнулся животом на подоконник, с горем пополам, согнувшись, вполз в класс, умудрившись не упасть.

Пахло школой.

— Дай руку, — проскрипел Олежка.

Я дал ему руку, он ввалился внутрь, едва не раздавив змея, выпрямился и стал осматривать ноги, обожженные крапивой. Но темень была страшная — и ничего разглядеть было нельзя.

— Сплошные волдыри, наверное, — проскулил он. — Я чувствую.

Он согнулся и стал ощупывать колени.

Я прошел в глубь класса. На партах стояли стулья — вверх ногами. Я нашел свое место, снял стул и сел, положив руки на столешницу.

Олежка оставил в покое свои ноги, подкрался к двери и посмотрел в замочную скважину.

— Темно, — сообщил он удивленно.

Он потянул ручку на себя.

— Закрыто.

Я смотрел по сторонам. Портреты в белых париках выглядели до того жутко, что шея холодела, все время казалось, что они вот-вот зашевелиются, или начнут вертеть

глазами, или еще что. Кабинет тонул во тьме, теряя очертания, вытягиваясь и сужаясь. А вот окно, напротив, казалось теперь совсем светлым: серая стена, над ней черная треугольная крыша, а над крышей — бледно-сиреневое небо, совсем еще вечернее; и звезд — кот наплакал: три, четыре, ну, пять от силы.

Даже странно было — казалось ведь, что уже совсем стемнело.

За окном вздыхал ветер, еле слышно шелестела невидимая листва.

— Ну и темень, — протянул Олежка.

Он подошел, снял соседний стул и уселся рядом со мной.

— А сегодня не полная луна? — спросил он.

И сам ответил:

— Да нет же.

Мне показалось, что я слышу в коридоре шаги. Я встрепенулся.

— Что? — прошептал Олежка.

Шаги стихли.

— Шаги слышал? — спросил я.

— Нет.

— В коридоре.

Олежка пожал плечами.

— Сторож, наверное.

Я кивнул.

— Наверное.

— Хорошо, что сегодня не полнолуние, — сказал Олежка тихо.

— Хорошо.

— Если бы было полнолуние, было бы совсем жутко.

— Точно.

Меня подмывало посмотреть на портреты, я косился на них краем глаза и чувствовал, как холодеют руки.

— Дед рассказывал... — начал Олежка и осекся.

Из-за окна донесся шорох. У меня волосы на затылке зашевелились, я посмотрел на Олежку — он был белый как мел.

Шорох приближался — кто-то медленно шел по проходу. Скрипнула проволока.

Я стал сползать под парту.

— Прячься, дурак, — зарычал я на Олежку.

Он, точно змея, скользнул вниз, и мы оказались под партой. Олежка сопел так громко, что слышно было, наверное, на той стороне земли.

— Не сопи, — сказал я, и он притих.

Снова скрипнула проволока, шорох приближался, приближался, становился громче — и вдруг исчез. Повисла тишина.

Я посмотрел на Олежку, у него глаза были как блюдца.

Я оперся о стул локтем и медленно выглянул из-за парты. Тут же класс закачался перед глазами, меня даже затосило от испуга.

За окном на фоне серой стены темнело что-то непонятное. Какой-то ровный полукруг. На подоконнике лежали длинные тощие пальцы.

Я вернулся под парту.

— Это Терминатор!

Олежка, видать, не сразу понял, о каком Терминаторе речь. Потом он сам выглянул — и тут же втянул голову в плечи.

И опять засопел.

— Не сопи! — ткнул я его. — Тут темно, он нас не увидит.

Я снова выглянул. Терминатор стоял, задрал нос, и вглядывался в темноту. Его круглая лысина слегка блестела. Олежка высунулся и остался смотреть.

Терминатор медленно водил носом из стороны в сторону, точно принюхиваясь.

Я посмотрел на Олежку — как бы его белые щеки нас не выдали.

Наконец Терминатор убрал с подоконника пальцы и перестал задирать нос. Теперь снова было видно только лысину-полукруг. Она еще немного помаячила за окном и поплыла в сторону. Зашуршала трава — и шуршала все тише и тише, пока не смолкла.

Олежка опять засопел.

— Вот это да, — только и мог сказать он. — Вот это да.

Я выпрямился и подошел к окну, но выглянуть не решился.

— Наверное, он шатался по двору и заметил нас.

Олежка не ответил. Он стоял, прислушиваясь. Потом посмотрел на меня.

— У тебя лицо как мел, — сказал он.

Я фыркнул.

— Да что ж тут такого, — проговорил Олежка задумчиво. — Я вообще чуть в обморок не упал.

Я снова фыркнул. Потом нагнулся за змеем.

Улыбка брянского скульптора оказала ободряющее действие. Мне пришла на ум гениальная мысль.

— Слушай. А давай мы его, — я показал на змея, — на стену повесим — вместо какого-нибудь портрета.

Олежка даже икнул от неожиданности — и заулыбался.

— Давай.

Напряжение спало.

Я представил, как первого сентября в кабинет заходят школьники, рассаживаются, смотрят по сторонам, а одного из портретов — тью-тью. И вместо него — брянский скульптор улыбается.

— Надо только так, чтоб не сразу заметили.

Я стал прикидывать, в каком углу риска меньше всего, и даже выбрал кандидатуру для подмены — один из париков справа от доски, рядом с входной дверью. Но потом я посмотрел на брошку в форме буквы «А» — и мне стало совестно.

— Не, — сказал я. — Не будем.

Олежка, заметно оживившийся, поник.

— Как хочешь.

— Жалко, — сказал я. — Лучше мы в другой раз придем. И что-нибудь другое повесим.

Олежка вздохнул.

— Закрыто будет.

— Знаешь что? — огрызнулся я. — Чужими вещами ты горазд распоряжаться. Своего тащи.

— Я своего на поле сломал.

— Ну и не выступай.

Олежка улыбку снял.

— Да ладно, чего уж тут.

И так он это по-дурацки сказал, у меня аж в носу защекотало.

— Но что-то надо сделать, — пробормотал он, оглядываясь.

Тут он был прав. Но в голову ничего не лезло.

Олежка захихикал.

— Придумал!

— Выкладывай.

— Давай, давай... — он задыхался от восторга, — давай все стулья с парт снимем! И поставим, как обычно!

Вряд ли можно было предложить что-то глупее этого. Я посмотрел в окно — над крышей сверкала целая россыпь звезд, и небо уже не было сиреневым — и сливалось с оконной рамой. Надо было идти домой.

— Олег, — сказал я, — это глупо.

Но других вариантов не было. И мы, как дураки, пыхтя и громыхая, переворачивали один стул за другим и придвигали к парте.

Олежка был счастлив. А я прищемил себе большой палец и чуть не заплакал.

Наконец класс выглядел так, словно он опустел только что — и школьники сейчас бегут по коридору к раздевалке. Мне снова показалось, что я слышу шаги.

— Вот, — кивнул я Олежке. — Слышишь?

Он прислушался.

За окном просвистел ветер.

— Нет.

— Ну вот же.

— Не слышу, — он наклонил голову. — Хотя... Да, может быть. Да, кажется, слышу. Залаяла вдалеке собака — наверное, та самая, черная как уголь. Олежка сел на парту у самого окна и достал шарик.

— Смотри!

Я подошел.

— Светится!

Я пригляделся. Олежка держал шарик на ладони, шарик слегка блестел.

— Это от окна.

Олежка слез с парты и отбежал в угол. Там он отвернулся и поднес шарик к глазам.

— И так светится!

Я подошел. Олежка сунул шарик мне под самый нос.

— Куда смотреть-то? Ничего тут нет.

— В самую глубь!

Я прищурился. У меня даже глаза заслезились от напряжения, и мне стало казаться, что в глубине и правда что-то мерцает. Как будто искорка.

— Светится?

Я потер глаза — перед ними поплыли белые круги.

— Не знаю.

— Точно светится!

Мимо окна что-то промелькнуло.

— Летучая мышь!

Я пожал плечами. Летучей мышью никого не удивишь.

— Домой пора.

— Пора, — согласился Олежка.

Мы еще раз прошлись по классу, поправили несколько стульев.

Первым выбрался наружу я. Олежка подал змея, молоток и полез следом.

— Осторожней, — сказал он, — тут крапива.

— Нет тут никакой крапивы!

— Ага, нет, как же!

Мы вскарабкались на забор. Сладко пахло листвой, ветер перетекал туда-сюда, школа возвышалась над нами — спала. Промчалась мимо летучая мышь, за ней еще одна. Небо было звездным, ясным и оттого казалось близким. Над школой сиял месяц.

На западе от горизонта по небу тянулись широкие зеленые полосы, похожие на ленты.

— Это глупость, что летучие мыши на белое летят, — сказал Олежка. — Они вообще слепые.

— Нет, — сказал я. — Белый они различают и на него летят. Я сто раз видел. Олежка задумался.

* * *

Когда прощались на одном из перекрестков, Олежка сказал:

— Про фокус — никому, ладно?

Я даже обиделся.

— Я же пообещал.

— Да, извини.

Олежка вздохнул.

— Просто я его еще никому не успел показать, кроме тебя, — и сразу провал.

Я развел руками.

Кричали сверчки, в домах горели окна, и можно было различить горшки с цветами на подоконниках.

— Завтра будешь? — спросил Олежка и показал на змея.

— Завтра — нет.

— Почему?

— Предки на шашлыки везут. На целый день.

И у меня живот заурчал.

— Шашлыки — это здорово, — одобрил Олежка. — А послезавтра?

— Не знаю. Может быть.

Я посмотрел на брянского скульптора.

«Ай да мы!»

— Ну, — замялся Олежка, — если будешь... Зови.

— Ага.

Постояли немного.

— Слушай, — сказал я, — если хочешь, бери на завтра.

И я протянул ему змея.

— Нет, нет, — замахал руками Олежка, — все равно одному не получится.

— Как хочешь.

Мы попрощались, посмеялись нашей авантюре с окном и разошлись.

У самого дома я положил змея на землю и влез на гараж, а с него — на клен. Ныл палец. Я забрался почти на самый верх и посмотрел туда, где по небу плыли зеленые ленты. Теперь никаких лент не было, мерцали звезды, над горизонтом белыми комьями катились облака.

Устало качалась листва.

Я увидел, как по соседскому двору крадется серый соседский кот. Он то и дело замирал, припадал брюхом к земле и прислушивался. Поравнявшись с окном, он сел, вильнул хвостом, готовясь к прыжку, взвился вверх, проскрипел по стене когтями и юркнул в открытую форточку.

Я громко — на всю улицу — зевнул.